

Зинзивер № 3 (147) 2025

2025
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА, СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка редактора</i>	5
--------------------------------	---

ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

Константин КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ. Антинотная партитура. Поэма.	6
--	---

ПРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Нина КРАСНОВА. Стихотворения разных лет и жанров. Стихотворения	17
Валентин НЕРВИН. Летние песни. Стихотворения.	45
Михаил КУЗЬМИН. Тут и там. Стихотворения	50
Сергей ПРОХОРОВ. Жизнь. Воля. Стихотворения	62
Дмитрий ТЮПА. Испытание Святого Антония. Поэма.	65
Надежда БОЛТАЧЕВА. Измерения за. Стихотворения	69
Евгений СТЕПАНОВ. Мои пальцы умнее моих слов. Стихотворения	76

АФОРИЗМЫ

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ. Про тараканов... в голове	78
---	----

ПАРОДИИ

Евгений МИНИН. Пять пародий	80
-----------------------------------	----

ШТУДИИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. «Божий человечек» Павлуша (очерк о жизни и творчестве П. И. Якушкина)	83
--	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Лев БЕРДНИКОВ. Иван, что за словом не лез в карман. Эссе	96
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Евгений Степанов, «Жизнь и творчество Нины Красновой» (Вера КИУЛИНА) Т. В. Лаврова, «Черноморские проливы в глобальной политике от биполярной к постбиполярной эпохе» (Вера КИУЛИНА) Алексей Юрьев, «Другого не дано» (Ольга ЕФИМОВА)	103
--	-----

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие друзья и коллеги!

15 марта 2025 года — юбилей у замечательной поэтессы, литературоведа, Первого секретаря Союза писателей XXI века **Нины Красновой**. Мы от всей души поздравляем Нину Петровну со славной датой, желаем здоровья и новых творческих свершений. И публикуем большую подборку разнообразного и талантливого творчества Нины Красновой. Здесь и силлаботоника, и палиндромы, и частушки...

Сегодня мы также публикуем одну из последних поэм выдающегося поэта и нашего друга **Константина Кедрова-Челищева**, который ушел из жизни 16 апреля 2025 года. Это огромный удар для всех нас. Мы будем продолжать знакомить вас с творческим наследием Константина Александровича.

Немало в номере и других ярких авторов.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт, критик, издатель. Родился в 1942 году в Рыбинске. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета и аспирантуру Литературного института имени А.М. Горького. Кандидат филологических наук, доктор философских наук. Автор многочисленных книг и публикаций. Жил и работал в Москве. Скончался 16 апреля 2025 года.

ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

АНТИНОТНАЯ ПАРТИТУРА

(Поэма)

Не выхожу один я на дорогу
Опасно на дороге одному

Но Слава Богу слава слава Богу
Не разделил судьбу несчастную Му-му

Не выхожу один я на подмости
Но прислоняюсь к дверному косяку
Я хряпнулся башкой об доски
Об все что было на моем веку

Пригорок Пушкина горбил Акуловой горою
А я смеялся и любил и ревновал не скрою

И может поздно может слишком рано
Не стал я походить на Дон-Жуана

И правильно на кой нам Дон-Жуан
Нет я не Дон-Жуан не графоман

Не граф не князь я просто человек
Опередивший двадцать первый век

Духовной жаждой не был я томим
Но был непонимаем и гоним

Читатель мой поверь мне я не вру
Я просто точка точка точка ру

Я переживший сонмы подлецов
Иду вперед дорогою отцов

Отцы пустынноики и жены непорочны
Ввели меня во области заочны

Но на заочном как и на дневном
Я был с любимой вместе два в одном

Я помню чудное мгновение
А ты все менее и менее

Я не герой литературный
И не герой номенклатурный
И даже вовсе не герой
Но я за лирику горой

Конечно я герой лирический
Не героическо-эпический

Но повторю «Я мыслил я любил
Я нежной женщине нежнейшим другом был»

Вить на Волгу пустое занятие
Можно вить на Яндзы и на Бзыбь
Можно вить извергая проклятия
Вслед за Гамлетом вить иль не вить

Вот в чем вопрос

Наша Анна громко плачет
Уронила в Темзу мячик
Тихо Анечка не плачь
Анне говорит палач

Анечка уже не плачет
Голова летит как мячик

Ни привета не ответа
Вслед за ней Антуанетта

Голова летит как мяч
Улыбается палач

Что за славная картина
Гильотина гильотина

Катятся в тартарары
Биллиардные шары

По-немецки либен вахен
Шепчет голова Аахен

Видимо царю Петру
Голова не по нутру

Поголовие голов
Сто голов
И сто голов
Забивает поголовный инвентарь
Ловит головы вратарь

О всеобщей истории злая страница
Голова моя машет ушами как крыльями птица

Послушай хитрости какие
Какие странные слова
Была совсем не человечья
Была то песья голова

Ах Москва Москва Москва
Золотая голова

Вот и Пётр овейн славою
Рубит голову за главою

Игры у царя не детские
Рубит головы стрелецкие

Тише Танечка не плачь
Не утонет в речке мяч

Голова взлетает «гол!»
На кол голову на кол

Аз и буки буки веи
Скачет голова Миледи

Хочешь смейся хочешь плачь
Мушкетеры и палач

Молвят выть или не выть
Дамам головы рубить

Не согласен с казнью в душе я
У Миледи тонкая шея

Все миры земные обгоняя
Я пишу и музу не меняю

Была когда-то для всего Союза
Всего одна-единственная муза

Она стихи читала и балдела
Она была живая муза Бэлла

Но а меня взметнули сонмы муз
Их много перечислить не берусь

Пока не встретилась она единственная
Единственная муза не таинственная

Влекла меня к себе с размаха
Как Гойю герцогиня Альба маха

Похоже но только много страстней
Похоже но чуточку прекрасней

Клянусь я перед ней всегда нагой
Клянусь что музы не было другой

Спадал кудрявый водопад волос
Кудрявей видеть мне не довелось

И влек меня по молодости бурной
Лазурный взор но чуточку лазурней

Она постриглась как-то раз для смеха
Передо мной была Эдита Пьеха

Эдита Пьеха но признаюсь все же
Красивее и чуточку моложе

Не ведала сомнения и страха
Как герцогиня Альба или маха

Нет не герцогиня а принцесса
И гениальная Елена поэтесса

Она была талантливей меня
Всю жизнь к себе поэзией маня

Ну да я был талантливее всех
Для многих несомненен мой успех

В будущем со мною соревнуясь
Она немного выше ввысь взметнулась

О да пленяла всех волос ее лавина
Простой народ нарек ее Мальвина

Голубоглазая ее лазурный взгляд
Как отражавший небо водопад

Я в нем купался снова оживал
И целовал о как я целовал

Теперь — о ужас! — муза умерла
Которая всю жизнь со мной была

А я не умер я остался жив
Вот эти строки про нее сложив

О неужели это может быть
Пять лет прошло я не могу забыть

Да мне сегодня восемьдесят два
Я жив едва она во мне жива

Она со мной стихи мои слагает
Живому в жизни помогает

Да наша жизнь не прерываясь длится
Вне времени поэзия царит
Она во мне со мною говорит

Мы вместе поэтесса и поэт
Я знаю что бессмертен наш дуэт

О Боже тихо Костенька не плачь
Быть может не утонет в речке мяч

О Боже я пишу и не пишу
Я что-то непонятное вершу

О Боже я свой опыт завершаю
И что-то непонятное решаю

Как доказал великий Перельман
Что мой никак не кончится роман

О Боже признаюсь я не эпичен
Я старомодно вечно романтичен

Мне наплевать на модный постмодерн
Я прав я фантастичен как Жюль Верн

Поэзия фантастика конечно
Которая живет и длится вечно

Я знаю в ней ничто не устареет
Она всегда живет и душу греет

Она всегда живую душу греет

У музыки свойство может даже грех
Она всегда талантливее всех

О Боже это я для вас пишу
Пишу дышу или дышу пишу

Из нас плетется нейросеть из слов
И звездный не кончается улов

Прибежали в избу дети
Второпях зовут отца
«Тятя, тятя, наши сети
Притащили $E=mc^2$ »

Если кто-то не ферштейн
Улыбается Эйнштейн

Я всему безмерно рад
 $E = mc^2$

Веселился змей и гад
 $E = mc^2$

Очень многое ферштейн
Кто в поэзии Эйнштейн

Тише Танечка не плачь
Не утонет в речке мяч
Перельмановский повтор
Шар конечно будет тор

Вывернутый наизнанку
Из сознанки в несознанку

Мы с Еленой шар и тор
Всей поэзии простор

Говорю о Боге я
Это топология

Да моя тематика
Это математика

Вывернутый на изнанку шар это тор
Вывернутый наизнанку тор это шар

Теорему выворачивания
Шара в тор переименование

Мы с тобою шар и тор
Тор и шар

Заводись любви мотор
Мы с тобою шар и тор

Я не молод и не стар
Мы с тобою тор и шар

Вывернулись мы друг в друга
Вот такая центрифуга

Смейтесь надо мною смейтесь
И немножечко согрейтесь

Мячик Тани это сфера
Сфера это ноосфера
Тише Танечка не плачь
Не утонет в речке мяч

Превратится мячик в тор
Это все-таки повтор

Повторенье мать ученья
Очень тайного значенья
Тише Танечка не плачь
Не утонет в речке мяч

В математике любви
Оставайся и живи

Смерти я не доверяю
И все время повторяю
Тише Леночка не плачь
Не утонет в речке мяч
Заглушаю этот плач

Помню помню как бывало
Лена в море уплывала

Раздвигала волн качели
Как Венера Боттичелли

Расцветали яблоки как сферы
Поплыли туманы над рекой
Выходила на берег Венера
На высокий берег на крутой

Нет никак я не пойму
Что на свете почему

Я великий недоучка
Как Алёша-почемучка

И чем больше я читаю
Я тем дальше улетаю

Улетай на крыльях ветра
На четыре километра

На меня наводит раж
Этих рифм ажиотаж

Продолжается сеанс
Я от рифм вступаю в транс

Стих всегда трансцендентален
И слегка сентиментален

Знаю я sentimentalный
Этот стих transcendentalный

Кто-то строил коммунизм
Я же sentimentalизм

Доверяю только чувству
И высокому искусству

Только нет во мне раба
Такова моя судьба

Пастернак меня простит
И быть может навестит

Я иду туда-сюда
В ниоткуда из туда

Будь как я поэт свободен
Искренен и первороден

В лабиринтах Пруста Джойса
Пой и ничего не бойся

Разрывай прыжками джинсы
Будь безумен как Нежинский

Будь отчаянный как Лист
Композитор-экзорцист

Пусть ведет тебя сквозь ад
Музыкальный Листапад

Шумана бессмертный шум
Пусть тревожит нежный ум

Пусть отчаяние Шуберта
Превратит Лолиту в Гумберта

Или Гумберта в Лолиту
Вита Нова в Нова Виту

Уходи как Гайдн в рассвет
Уходя зажгите свет

Молвил: Боже упаси
Раствориться в Дебюсси

О какой же моветон
Превратиться в обертон

Порождают тонны стонов
Эти тонны обертонов

Вышвырнут из волн с размаха
Музу ракоходы Баха

Палиндром аэродром
Превращенный в космодром

Мы с тобой палиндронавты
Прав ты прав ты прав ты прав ты

«Я и ты балет тела бытия»
Я и ты балет Бог убытия

Это знаешь ты это знаю я
«Я и ты балет тела бытия»

Знаешь ты и я нам не надо славы
«Красивые всегда правы»

Я один во тьме веков
Стало быть наш мир таков

Мы с Еленой в разных точках мирового глобуса
Встретимся в середине ленты Мёбиуса

Спрашиваю где она середина
Впрочем все равно и все едино

Споры о бессмертии души
Заглушают музыку в тиши

Музыка небесной тишины
Вдруг снисходит к нам из вышины

Минус-ноты тихо не звучат
Минус-партитуры не молчат
Но звучат они как тишина
Эта музыка слышна но не слышна

Слышите звучание минус «до»

Это если нота отзвучав
Остается где-то за звучаньем
Отзвучала и звучит молчанье

«До ля» доля!
«Ми ре» мира!
«Си ля» сила!
«Ми ре» мира!

Помолчите после каждой ноты
Лишь тогда вы все меня поймете

После каждой ноты помолчите
В тишине молчанием звучите

Гамлету понятное звучание
Он сказал дальнейшее молчание

Тонкий слух услышит в тишине
То что удалось озвучить мне

Где минор там слышите мажор
Музыки небесной дирижер

13 февраля 2025 г.

Поэт. Родилась в Рязани. Стихи пишет с семи лет. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Евгения Долматовского). В 1979 году выпустила первую книгу стихов «Разбег» (в «Советском писателе») и в 1980 году была принята с нею в Союз писателей СССР. Печаталась в журналах «Юность», «Москва», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Студенческий меридиан», «Крокодил», «Обозреватель», «Время и мы» (Нью-Йорк — Москва), «Наша улица», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Другие», в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Московский год поэзии», «Истоки», «Кольцо А», «ЛитРос», «Русский смех», «Золотое руно», «Муза», «Эолова арфа», «Литературная Рязань», «Утро», «Под небом рязанским», «Чаша круговая», «Сура» и т.д., в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Книжное обозрение», «День литературы», «Завтра», «Слово», «Россия», «Россия», «Экспресс-газета», «Литературные известия», «Поэтоград», «Литературная гостиная» и т.д., в разных коллективных сборниках и антологиях, в том числе в антологиях «Поэзия. XX век», «Поэзия. XXI век», «Жанры и строфы современной русской поэзии». Автор более 30 книг стихов и эссеистической прозы. Основатель и главный редактор альманаха «Эолова арфа». Член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века, Русского ПЕН-клуба, Союза писателей Северной Америки. Лауреат премии им. Анны Ахматовой, им. Николая Рубцова «Звезда полей», международных премий им. Де Ришелье «Изумрудный Дюк», «Бриллиантовый Дюк», им. Анны Григорьевны Сниткиной-Достоевской, им. Леонида Осиповича Утёсова «Старая пластинка» (Монреаль — Нью-Йорк — Одесса), а также премий Арт-фестиваля «Движение» (за вклад в мировую культуру), «Писатель XXI века», «Парабола», обладатель спецприза Фонда им. Андрея Вознесенского «За талант». Академик МАРЛИ (Международной Академии Развития Литературы и Искусства, Нью-Йорк). С 1992 года живет в Москве.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ И ЖАНРОВ

БЛОК

1. Блок и Прекрасная Дама

Что такого сделал Блок?
Все пойдем когда мы?
Блок в поэзию облек
Суть Прекрасной Дамы,
Блок в поэзию облек
Облик этой дамы.

2. Филологическая игра с блоками и яблоками

Знала я Блока,
Не знала я блока
«Яблока»
И вообще никакого политического блока.

ДЕЛЬМАС В ШАХМАТОВЕ

Танцевала в усадьбе артистка Дельмас.
Для кого, для кого танцевала — для масс?
Не для масс — танцевала для Блока она
И едва не сломала каблук у окна,
«Па» выделявая Карменные,
Сделав бантиком губки карминные.

И стучало под кофточкой сердце Дельмас,
Для поэта стучало оно — не для масс,
И кипела под кожей черная кровь,
И росла у поэта любовь, как морковь,
Как тюльпан, как камыш у мостика.
И сгущалась поэзии мистика...

* * *

Запряги Пегаса белой масти
Со своим особенным тавром.
Творчество должно на первом месте
Для поэта быть, не на втором.

На втором, на пятом и десятом
Все другое вечно быть должно.
Это ясно даже и детям,
Это ясно детям даже, но...

Если по причине той и этой
Ты нарушишь мест порядок, да? —
Песенку твою считая спетой,
От тебя сбежит Пегас тогда.

РЯЗАНЬ

Я в Рязань недавно ездила.
У меня в Рязани есть дела:

Повидать свою дражайшую родню
(Я всегда такому рада дню),
Детский мир ушедший посетить —
И ему потешку посвятить,

И не дать себя кому-то освистать,
И с Есениным гранитным рядом встать
На одну почетную доску,
В «Кока-коле» утопив свою тоску,

И, не думая кого-то там сердить,
Памятник себе соорудить,
Свой, нерукотворный, весь из книг,
Свой, из всех моих невыпущенных книг
(Я сказать не знаю, как о них).

Я в Рязань недавно ездила.
У меня в Рязани есть дела.

МАГИСТРАЛ ИЗ ВЕНКА СОНЕТОВ «ПОДВАЛ»

(Сонет № 15)

В толстенных стенах этого подвала,
Как цветик подземелья, я росла,
В поэзии надежду подавала,
Не разбираясь в тайнах ремесла.

Я в детстве и нужду, и все терпела,
Мне не хватало солнышка в окне,
Таких условий жизни, как в «кине»,
Но я не унывала — песни пела.

Я с братьями росла, с сестрой и с мамой,
В своей семье была я младшей самой,
И только тронь меня какой кобель!..

О мой подвал! Забыть тебя — нелепость.
Подвал — моей души святая крепость,
Моей души святая колыбель.

ЦЕРКОВЬ

Ночью церковь звонила протяжно и глухо,
Сиясь что-то сказать о былом...
И ловило мое непривычное ухо:
«Бом-м... бом-м... бом-м...».

Бушевала метель, и качались черные ели.
Как назло, не горел за окном фонарь.
Чтобы кто-то не сбился в такой метели,
На колокольне не спал звонарь.

Я к заклеенной раме свое приставляла ухо,
Приникала к стеклу взгоряченным лбом,
И во мне отдавалось протяжно и глухо:
«Бом-м... бом-м... бом-м...».

ЛИК РОДИНЫ

*Владимиру Солоухину —
под впечатлением от «Черных досок»*

Где ты, Русь, с красотой своею исконной?
Твой божественный лик искажен, изменен.
Вижу, вижу на этой доске иконной
Наслоения разных позднейших времен.

Но сквозь разных позднейших времен наслоения
Вижу, вижу (и чувств передать не берусь)
Твой нетронутый лик, написанный кистью гения,
Прествятая, пречистая Древняя Русь!

К КАРТИНЕ К. ФЛАВИЦКОГО «КНЯЖНА ТАРАКАНОВА»

Нет печальнее этой картины,
На которой, прекрасна, нежна,
В мрачных стенах томится княжна
По указу Екатерины,

Чахнет в горьком уединенье,
Тут не терем тебе, а тюрьма:
Холод, плесень, да грязь, да тьма,
Да к тому же еще наводнение.

Сколько Бога она б ни молила,
А погибнет, права, не права.
Прямо в камеру хлещет Нева.
Тут тебе и тюрьма, и могила.

Не бывать самозванке на троне!
Не отнять у царицы трон!
Увидал бы ее аббат Рокотони,
Изошел бы слезами он.

Сколько в позе ее и в глазах
Обреченности, устали, муки!
Оперлася о стену и — ах!
И стоит — опустила руки.

Сякнут силы души и тела...
Самозванка! Божья заря!
А, пожалуй, не зря, не зря
Стать царицею ты хотела.

Ты собою и впрямь царица,
Только некому короновать.
Крыса лезет к тебе на кровать,
От напасти спастись стремится.

Мне о том говорит картина,
Как прекрасна и как нежна
Заточенная в крепость княжна
И какая жестокая Екатерина.

МОИ ЗЕМНЫЕ БЛАГА

Вот они, мои земные блага:
Комната с окошками на Русь,
Стол, перо да чистая бумага,
Над которой вволю наревуся,

Да тропа до леса и до луга,
Где гулять привычно мне одной,
Да открытка от милого друга,
Да письмо от матушки родной.

Вот они, мои земные блага.
Только ими жизнь и хороша.
Рядом с ними все иные блага
Для меня не стоят ни гроша.

ХРАМ ПЕТРА И ПАВЛА В СОЛДАТСКОЙ СЛОБОДЕ

Солнце в сточной канаве московской плавало,
Ярким нимбом на землю с небес свалившимся.
Я поставила свечку во храме Петра и Павла
Всем святым, коллективно в меня вселившимся.

И звучали молитвы во мне распетые.
И меня от придурков и охломоновцев
По обоим бокам охраняли Христы распятые,
Словно двое дежурных солдат-омоновцев.

РАЗЛАД

Привыкаю быть без тебя.
Привыкаю
 минуту...
 час...
 и целый день...

Уже не прислушиваюсь
к шагам и шорохам
на лестничной площадке.
Слушаю магнитофонные записи,
следующие одна за другой,
обрывающиеся,
наплывающие одна на другую,
как мои мысли.
Сажу в обрамлении четырех стен,
точно в коробке,
закрытой не крышкой, а потолком.

Привыкаю быть без тебя.
Привыкаю
 день...
 вечер...
 и целые сутки...
Уже не посматриваю на часы.
Смотрю на недопитый чай,
который кажется мне
принявшим форму не стакана,
а плоского квадрата.
Смотрю на неподвижный уличный фонарь,
будто бы нарисованный на стекле
с помощью циркуля,
кисточек
и гуаши.
Кутаюсь в тонкий платок,
нагретый теплом моего тела.

Так я, пожалуй, привыкну быть без тебя
неделю,
 месяц
 и целый год.

А потом
привыкну обходиться без тебя
 всегда.

СИРЕНА

Я хотела бы
быть изображенной
на гербе твоего сердца,
как сирена с длинным изогнутым мечом
на гербе Варшавы.

ДЕРЕВЬЯ

Чем деревья становятся старше,
Тем больше они походят
И кронами, и стволами,
И самую сутью своею,
Ну, словом, собой на себя.

Чем люди становятся старше,
Тем больше они походят
И внешнестью, как деревья,
И самую сутью своею,
Ну, словом, собой на себя.

Меня деревца молодые
К себе привлекают, конечно,
Но деревья и люди постарше
Меня привлекают больше.
Они для меня интересней,
Они для меня красивей,
Уму моему и сердцу
Больше они говорят.

ЗОЛОТЫЕ РАСКОПКИ

Я веду золотые раскопки
Не в египетской пирамиде,
А в московской своей хибаре,
В приготовленной к сносу хрущёвке,
Как в египетской пирамиде.

Я схоронена в ней самолично,
Умерев от тоски любовной,
И смотрю на себя, воскреснув,
На земную свою оболочку,
Как на мумию Нефертити.

От меня для потомков остались
Стул без ножки, предметы быта,
Книжки (жалко, что не сберкнижки?),
Фотокарточки жизни прошедшей,
Кучи тряпок из «секен хенда».

Я веду золотые раскопки
Здесь, в московской моей хибаре.
Вот земное мое жилище,
Погребальный покой фараонши,
Усыпальница Нифертити.

ПАЛЬМОВАЯ ВЕТВЬ

Герой сего стихолирического текста,
Ты из какого-то такого сделан теста...
Не из какого все —

не из того, НЕ ИЗ ТОВО.
И я люблю тебя, люблю тебя НЕИСТОВО.

Я всех твоих забраковала «конкурентов»
И вот иду к тебе во сне под бой курантов.
Я пальмовую вевть вручить тебе ИДУ МОЮ
И о тебе одном и думаю, и думаю, И ДУМАЮ...

ПРЕДМЕТ ЛЮБВИ

Я тебя в своих фантазиях рисую,
Ты меня в своих фантазиях рисуешь.
Ты меня один интересуешь,
Я тебя одна интересую,

Мой герой, вполне реальный, а не мнимый,
Нет, не ирреальный ты герой,
Мой предмет любви, никем незаменимый,
Ты любовь не путаешь с игрой.

Ты меня в своих фантазиях рисуешь,
Я тебя в своих фантазиях рисую.
Я тебя одна интересую,
Ты меня один интересуешь.

КОРОНА ИЗ САМОЦВЕТОВ

Я для тебя корону смастерю,
Украшу самоцветами с Урала.
Я сны с твоим участием смотрю,
Как серии большого сериала.

Ты — сотрясатель всех ОСНОВ моих
И мой любовный символ в ореоле,
Герой бессмертный снов (О, СНОВ!) моих,
В которых ты — всегда в заглавной роли.

ЦАРИЦЫНСКИЙ ПРУД С ОСТРОВОМ РУСАЛОК

Очищен от грязи старинный Царицынский пруд, водоем,
Собою в себе отражающий нечто большое и вечное.
...На остров Русалок давай заберемся с тобою вдвоем,
В себе ощущая друг к другу движение сильное встречное.

Мы оба любимся (с берега в плиточках) видом одним:
Водою и островом (в центре) с деревьями (с чистыми), с ивами.
Ты будешь на острове этом Русалкою, я — Водяным.
Мы будем на острове этом такими (наверно) счастливыми.

ЖАР-ПТИЦА, КУРОЧКА РЯБА, ЗОЛОТАЯ РЫБКА И РЕСТОРАН «ЕЛКИ-ПАЛКИ»

Повара, на фольклорную живность точившие зуб,
Из Жар-птицы и Курочки Рябы сварили суп,
Золотую Рыбку поджарили на сковородке
И подали гостям в ресторане к столу и к водке.
Получили от них благодарность и деньги за это.
Про меню ресторана писала «Экспресс-газета».
Повара, овладев кулинарным искусством и опытом,
Стали брать на базаре такие «продукты» оптом
И кормить и других посетителей ими ж,
И подняли престиж ресторана и имидж.

РУССКИЙ ГРЕК

Анатолию Шамардину

Ты по генам и русский, и грек.
И в тебя не влюбиться — грех.
Ты удачный такой гибрит.
Все об этом в тебе говорит —
И характер, и внешность, и рост.
Ты и прост, но и очень не прост.
Ты особого склада и лада.
Русь в тебе говорит и Эллада!

АНДРЕЮ ВОЗНЕСЕНСКОМУ

Я Есенина люблю за все ЕСЕНИНСКОЕ,
Вознесенского люблю за вознЕСЕНИНСКОЕ.

Вознесенский — новотворец, гений сущий.
Вознесенский — воз-несенский, воз несущий,
Миру воз поэзии несущий.

Он идет своей дорогой — не есенинской,
Он идет своей дорогой — вознесенинской,

Вместе с музами, за крылышки ведомыми,
С чемоданами метафор, с видиомами,

С золотым на голове своей венцом,
И — не избалованный винцом.

Был такой Есенин — весь ЕСЕНИСТЫЙ,
Ну а Вознесенский — вознЕСЕНИСТЫЙ!

Сквозь асфальт пробился он, пророс,
Бросил миру миллионы «алых роз».

Как сказал поэт известный энский,
Вознесенский — это Вознесенский!

ПАМЯТНИК ГОГОЛЮ В КАЛУГЕ

Хорошо, что есть в Калуге памятник
Циолковскому,
а кроме Циолковского
И другим великим. Только Гоголю
Почему-то памятника нет.

Я в Калуге провела «ревизию»
И считаю,
что в культурном этом городе
Гоголю поставить надо памятник
Возле драмтеатра, возле клумб.

То есть можно здесь поставить памятник
«Ревизору»,
а точнее — Городничему,
А еще точнее — Золотухину
В роли Городничего. А что?

Будет здесь стоять, в Калуге, памятник
Золотухину,
а значит Городничему,
То есть это как бы значит Гоголю, —
Весь в любви народной и в цветах!

ВАЛЕРИЮ ЗОЛУХИНУ

К Золотухину на печку
Ты под шубу заберись.
Он артист, каких не сыщешь,
И писатель — запибись!

ПЕТРУ КОБЛИКОВУ,

главному редактору журнала
«Детское чтение для сердца и разума»

«Детское чтение...» — что за журнал? —
 Это читатель уже разузнал.
 Это для всех интересное чтение,
 Мыслей оно вызывает течение.
 «Детское чтение...» нужно кому?
 Каждому к сердцу оно и к уму.
 Пользу приносит оно, а не вред —
 Это же вам подтвердит и главред.

ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Евгению Степанову

Не любить никак нельзя СТЕПАНОВА,
И серьезного такого, и СТЕПЕННОВА*.

Он — прозаик и поэт от Бога,
И танцует и от печки, и от блога.

Он — феноменальное явление
И несет литературе обновление.

* * СТЕПЕННОВА (степенного) — здесь и далее как слышится, так и пишется. — **Н. К.**

Не диктатор, не сатрап, не изувер,
Создал свой «Поэтоград»* и «Зинзивер»**,

И еще — «Футурм АРТ» и «Дети Ра»***,
Их читать рекомендуют доктора.

Он умеет и хохмить, и юморить,
Может всех со смеху уморить.

Он — прозаик и поэт от Бога,
И танцует и от печки, и от блага.

Не любить никак нельзя СТЕПАНОВА,
И серьезного такого, и СТЕПЕННОВА.

Не любить никак нельзя СТЕПАНОВА,
Не серьезного совсем и НЕ СТЕПЕННОВА.

ГИМН ВО СЛАВУ ПЕНСИИ

Сбылась моя мечта поэта —
Мечта о лучших временах.
И я пишу стихи про это,
В журнал отдам и в альманах.

Служила я с высоким смыслом
Во Храме Феба, не греша,
И не имела хлеба с маслом
И не имела ни гроша.

И вдруг алтын светить мне начал,
И в мой карман упал с небес.
Все потому, что мне назначил,
Начислил пенсию собес.

Чтоб не надела б я удавку
Себе на шею — эй, не смей! —
Он и лужковскую надбавку
Надбавит к пенсии моей.

* «Поэтоград» — газета Союза писателей XXI века, созданная Евгением Степановым.

** «Зинзивер» — литературный журнал.

*** «Футурм АРТ», «Дети Ра» — литературные журналы.

И буду я тогда буржуйка
И буду рябчиков жевать.
Пока же хлеб со-с маслом жуй-ка,
Чтоб дальше жить и выживать.

Пиши, поэт, про то, про это,
Читай родные буквари
И за свою судьбу поэта
Стране спасибо говори.

ПЕНСИОНЕР-ГЕРОЙ

(Песня юной пенсионерки)

Я была когда-то юной пионеркой,
С красным галстуком, с косичками была.
Юной стала я теперь пенсионеркой,
И какой была, забыла, ла-ла-ла.

Нет, какой была, такой же я осталась,
По натуре я девчоочно-юна.
Я и знать не знаю, что такое старость.
Обойдет меня, надеюсь я, она.

В мир иной моя дорога перспективна.
С верой в будущее я привыкла жить.
Я во всем активна, супер я активна.
И всегда готова Родине служить.

Я — своей России дочь, не дочь полка-то.
На меня судьба тяжелым танком прет,
Но, сошедшая с советского плаката,
Я иду под флагом с песнями вперед!

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ КРАТКОСТИШИЯ

АФЕРИСТ

Народные массы надул аферист,
про это со сцены сказал афорист:
У МАСС
нет УМА-С.

ЖЕНЬШЕНЬ

Евгению Степанову

Для любой из женщин, Жень,
Ты – полезней, чем женьшень.
В честь тебя, наверно, Жень,
Называется женьшень.

ГРИПП

У меня сезонный ГРИПП.
Я болею, я оХРИП.
Надо водку ВОТ КУПИТЬ
И от гриппа ВОДКУ ПИТЬ.

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

А формула любви — она проста, ПРОСТА ВЕДЬ.
Для этого кончать не надо МГУ.
Любовь без секса я могу себе ПРЕДСТАВИТЬ,
Но секса без любви представить не МОГУ.

ЭКЗЕРСИСЫ

(Поэтические упражнения с разноударными, ассонансными, консонансными, перемещенными, замещенными, усеченными, омонимными, омофонными, анаграммными, паронимными, составными, внутренними, магнитными, эпитифорно-анафорными, каламбурными и другими рифмами)

1. Вытащил бомж из чужого кармана большую СУММУ
И положил эту сумму в свою большую СУМУ.
2. Идет слуга С ЛуГА,
Ведет корову с луга СЛУГа.
3. Кем обязана быть ОБЕЗЬяна?
Обезьяной быть обезьяна ОБяЗАНА.
4. О, девушка не моей мечты! О, ПУТАНА!
Вся сексуальными связями ты ОПуТАНА.
5. В соседнем дворе стоит иномарочная МАШиНА —
это машина МаШИНА.
6. Мечтая о счастье, ловит клиента с «баксами» девочка ГоЛопУПАЯ,
Глупая, глупая, ГЛУПАЯ.
7. Обнимаются двое прямо в метро, ПРИ ЛЮДЯХ,
Далеко заходя в своих любовных ПРЕЛЮДиЯХ.
8. На пляже лежит под солнцем девочка ГОЛОВИДНАЯ —
Настоящая дивочка ГОЛЛИВУДНАЯ.
9. Ничего не смысла в теории, разработанной биологом МОРГАНом*,
Преклоняется дама перед высокостоящиМ ОРГАНом.
10. Что Танями, что Тонями увлекался повеса, ЧТО НИНАМИ,
Перед всеми трепал повеса своими ШТАНИНАМИ.

* Т. Морган — американский биолог, разработавший хромосомную теорию наследственности, которая лежит в основе современной генетики.

11. ОКА ПЕЛА
А КАПЕЛЛА.
12. Дали поэту в ПАРИЖЕ
ПО РОЖЕ,
Чтобы поэт выступал в ПАРИЖЕ
ПОРЕЖЕ.
13. Дали безработному РОБОТУ
РАБОТУ.
14. Сказада замученная лошадь: И-ГО-ГО!
Надоело мне человечье ИГО.
15. Рисует художник натурщицу в мягких тонах ПАСТЕЛЬНЫХ.
Мечтает художник об отношениях с нею ПОСТЕЛЬНЫХ.
16. В зале Чайковского на концертах фортеПЬЯННЫХ
Почему-то совсем не бывает посетителей ПЬЯНЫХ.
17. Сидят под чинарой МАХМУДЫ
И чешут МОХнатые МУДЫ.
18. «Хорош у этих бочковых огурцов ПОСОЛ!»* —
сказал ПОСОЛ.
19. У, ПОРНОдива гоняется за режиссером УПОРНО.
20. МНЕНИЕ мое представляется очень интересным МНЕ.
21. НАДО мной, наверно, смеяться НАДО.
22. ПеРЕПЕЛ перепелку ПЕРЕПЕЛ,
а я ПЕРЕПЕЛА ПеРЕПЕЛА.

* Посол (ряз.) — посольство. — **Н. К.**

ПАЛИНДРОМЫ

* * *

А ЛЕДИ СИДЕЛА
А ЛЕДИ ВИДЕЛА,
КАК
УРОД ЛАПАЛ ДОРУ...

ДЕД ЛАПАЛ БАБ. БАБ ЛАПАЛ ДЕД
ТУТ И ТУТ,
ТЕТ-А-ТЕТ.

* * *

Сказал поп
на подиуме поп:
«ДУХ ХУД».

* * *

КАБАК...
ТАМ МАТ...
ОГО...

* * *

МИР ДАРИМ...

МИРУ МИР, РИМУ РИМ...

* * *

МОН НОМ*:
АЗИЗА,
АЛЛА,
АННА,
ИННА,
НАТАН,
ТИТ,
БОБ...

* МОН ном — мое имя, франц. — **Н. К.**

КРУГОМЕТЫ

(Подражания А. Вознесенскому)

Поэтический экстрасенс насылал на свою почитательницу ЧАРЫ...
ЧАРЫЧАРЫЧАРЫЧА... РЫЧА...

Утром в Переделкине от РОСЫ...
РОСЫРОСЫРОСЫРО... СЫРО...

Радуетя облитая грязью Пречистая ДЕВА...
ДЕВАДЕВАДЕВАДЕ... ВОДЕ...

Любительница изящной словесности написала большие ТОМА...
ТОМАТОМАТОМАТО... МАТА...

Говорила жена мужу, лежа под ним на СПИНЕ...
СПИНЕСПИНЕСПИНЕСПИ... НЕ СПИ...

Постоянно пребывает в любовной ТОСКЕ...
ТОСКЕТОСКЕТОСКЕТ... АСКЕТ...

Сказал ценитель прекрасного, глядя на девушку с обручем и выпивая КАКАО...
КАКАОКАКАОКАКАОКА... О КАКА!...

Выпал у спортсмена из трусов во время ТРУСЦЫ...
ТРУСЦЫТРУСЦЫТРУСЦЫТРУС... ЦИТРУС...

Велика по окружности долговая ЯМА...
ЯМАЯМАЯМАЯ... МОЯ...

Нет на моей литературной дороге ДЕНЕГ...
ДЕНЕГДЕНЕГДЕНЕГДЕ... НИГДЕ...
И мне на моей дороге найти ДЕНЕГ...
ДЕНЕГДЕНЕГДЕНЕГДЕ... НЕГДЕ...

ПОСВЯЩЕНИЯ

1. Владимиру Солоухину

Солоухин, СолоУшка —
Это соло, СОЛО В УШКО.
Солоухин, СолоУшка —
Из Олепино солОвушка.

2. Николаю Старшинову

Поэт СтаршИнов, СтаршинОв
На общем фоне — страшно нов.

3. Андрею Дементьеву

С новой книгою моею
К Вам иду, похорошев.
Мною — автором — и ею
Вы довольны, милый шеф?

4. Александру Иванову (пародисту)

Этот пародИст —
ПорОдист.

5. Виктору Бокову

Вы у нас в большом почете.
Как же Вы стихи печете.
Печь стихи нас поучИте,
Приз за это получИте.

6. Римме Казаковой

Римма, Римма, Римма,
Ты — неповторима!
За тебя, Риммулечку,
Выпью я грамулечку.

7. Тамаре Жирмунской

У Тамары, у Тamarочки
Стихи и проза — высшей марочки.
И все другое у Тamarочки —
Тоже, тоже высшей марочки.

8. Белле Ахмадулиной

Вызвал в Кремль Президент Ахмадулину,
Ей повесил на грудь, ах, медалину.
И сказала при всех Ахмадулина:
«Ах, медалина! Ах, медалина!»

9. Евгению Евтушенко

Он — не мелкий вам карасик,
Он — большая рыба, классик.
Кит в сравненье с этим классиком
Мелким выглядит карасиком.

10. Андрею Вознесенскому (надписи на книгах)

Поэту без приставки «анти»,
Давно контакта с ним ища,
Дарю стихи, душою трепеща,
И эту надпись в сотом варианте.

Частушки дарю Андрею
И вся от Андрея дурею.

11. Роберту Рождественскому

Стихи, какие пишет Роберт,
Такие не напишет робот.

Человеком становится робот,
Ваши книги читая, Роберт.

12. Игорю Волгину

В «Луче» студийцы, сидя на «летучке»,
Святым огнем поэзии горя,
Тьму разгоняя, разгоняя тучки,
Целуют Волгина, целуют Игоря.

13. Евгению Храмову

Любил в ЦДЛе Евгений Храмов
С музою выпить несколько граммов.

14. Владимиру Кострову

Хочет поэт Владимир Костров
Спасти Россию от катастроф.

15. Кириллу Ковальджи

Вот книга стихов. От кого? От Кирилла.
Я книгу открыла — поэта открыла.
Стихи у Кирилла такие лирические,
Такие они у него «кириллические».

16. Андрею Яхонтову

От всех потерь устав, от всех утрат,
Бродя в потемках, словно тень теней,
На «Койке», с «Койкой» въехал ты в театр,
Но, нет, не почиваешь ты на ней.

17. Татьяне Бек

Ты — писательская дочка.
Ты к отцу ушла, и — точка.
Таня, Таня, Таня, Тань,
Из своей могилы встань.

18. Елене Кацюбе

Обратиться бы к Небесному К ОТЦУ БЫ,
Чтобы он для поэтессы для КАЦЮБЫ
Уготовил место светлое в Раю,
Захватить нельзя которое ворью
И нельзя которое купить,
Даже если много денег накопить.

19. Валерию Дудареву

О «Юности» я думаю, о ней.
Ты всех ее редакторов юней.

20. Евгению Лесину

Любит Женя не казнаки,
А экслибрисы, книжные знаки.
Женя Лесин — Экслибрис «НГ»,
Он «извесен» во всем СНГ.

21. Евгению Степанову

Он — писатель и поэт от Бога,
И танцует и от печки, и от блага.
Он — феноменальное явление,
И несет литературе обновление.

ЧАСТУШКИ

* * *

Я спросила, ой, маманю:
«Чем бы мне завлечь матаню?» —
Она сказала: «В Женский день
Юбку вместо брюк надень».

* * *

Я завлечь его решила,
Юбку маковую сшила.
Он меня увидит в юбке,
Поцелует прямо в губки.

* * *

Я ли с милым не полажу?
Ляжу с милым полежу,
Нежно нос ему поглажу,
Нежно в глазки погляжу.

* * *

Я целую милого
В губки, в глазки, в щеченьки.
И могу поцеловать
Кой-куда ещеченьки.

* * *

Распустил залетка руки,
Снять с меня пытался брюки,
Целый вечер их сымал,
На брюках мне замок сломал.

* * *

Меня милый обнимал
Неприлично как-то,
Довести меня хотел
До полового акта.

* * *

Под Егора-тракториста
Я разов ложила триста.
Не искусен он в речах,
Но у него такой рычаг!

* * *

Я ложила под Игната
На арабскую кровать.
Под Игната, под Игната
Я неплохо «подогната».

* * *

У меня залетка есть
По имени Тима.
Этот Тима, Тима Тима
Прямо создан для интима.

* * *

Ходили бабы к бобылю,
Швея, доярка, жница.
Сказал бобыль: «Я баб люблю,
Но не люблю жениться».

* * *

Эта женщина грудастая —
Чересчур она гордастая.
Почему она гордастая?
Потому ли, что грудастая?

* * *

Вот легла на простыню
Просто Ньюша, просто «ню».
И летает по стране
На своей на простыне.

* * *

Очень любит Толик
Смотреть ночами «телек»,
Показывают Толику
Голых баб по «телеку».

* * *

Увидать бы мне Ниноченьку,
Провести бы с нею ноченьку.
Без тебя, моя Ниноченька,
Мне и ноченька не ноченька.

* * *

Сашка ростом выше Нинки,
Он по пояс — в облаках.
Нинка Сашке до ширинки
Достает на каблуках.

* * *

У меня залетка был
По имени Женя.
Я гуляла с Женею,
Попала в «положению».

* * *

Постелю постель Сергею,
Ляжу с ним, его согрею.
За Серёжу, за Серёжу
Я набью любому рожу.

* * *

У меня залетка есть
По имени Игорь.
Вся пылая и горя,
Я целую Игоря.

* * *

Дима, Дима, Дима, Дима,
Я тебе необходима.
Ну и ты, конечно, Дим,
Тоже мне необходим.

* * *

Ходит Петя с автоматом,
Любит он частушки с матом.
Петя, Петя, Петя, Петь,
Давай с тобой частушки петь.

* * *

По...лась Маша с Пашей, (Пообщалась Маша с Пашей)
По...лся Паша с Машей. (Пообщался Паша с Машей)
Маша сделалась мамашей,
Паша сделался папашей.

* * *

Нет на свете кавалера
Лучше, краше, чем Валера.

* * *

Вор казанский, заказной
Едет в кассу, за казной,
А за ним, ловя момент,
Едет наш рязанский «мент».

* * *

Рязанская милиция
Такая милолицая.
Как не любить милицию —
Такую милолицую?

* * *

Мужики перепились,
Принялись резвиться,
В вытрезвитель приплелись,
Чтобы протрезвиться.

* * *

У тебя, Наталия,
Тоненькая талия.

* * *

В Турции, в Турции
Кругом цветут настурции,
И туристы в Турции
Нюхают настурции.

* * *

В Монголии, в Монголии
Кругом цветут магнолии,
Монголки там с монголами
В жару гуляют голыми.

* * *

В индийском городе Мадрасе
Меня катали на матрасе.
Как увижу я матрас,
Вспоминаю я Мадрас.

Поэт, член Союза российских писателей. Автор 17 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Н. Лескова и «Кольцовский край» (Россия), им. В. Сосюры (Украина), им. Марка Твена (Канада), международного литературного фестиваля «Русский Гофман». Удостоен специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии). Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Стихи переводились на английский, испанский, румынский, сербский, украинский языки. Живет в Воронеже.

ЛЕТНИЕ ПЕСНИ

РАДУГА

Когда, наконец,
 проясняется небо, когда
гроза, напоследок,
 артачится и колобродит,
по желобу с крыши
 бурливо стекает вода,
стареет в полете
 и скоро под землю уходит.
А ты умываешься
 этой водой дождевой,
которая необратимо
 становится Летой,
когда появляется
 радуга над головой
и скорая помощь
 несется по радуге этой.

* * *

Я — запевала в черноземном хоре:
заматерел, и песенка стара;
поэтому душа впадает в море
и телу покуражиться пора.

Куплю билет и, в наилучшем виде,
подамся в лоно виноградных вин,
расквартируюсь где-нибудь в Тавриде
на фоне экзотических руин
и запою...

ОДНАЖДЫ

Мы разбежались по-простому:
непробиваемый, как танк,
я шел по берегу морскому,
что называется, ва-банк
и думал: — Эдакая дура,
трибогадушувашумать! —
фигура — да, но что фигура,
когда ума не занимать?..

И вот тебе игра природы:
по истечение многих лет,
однажды расступились воды —
и мы ступили в тот же след.
Порхали прежние Амуры,
сияла вечная звезда,
но от ума и от фигуры
не сохранилось и следа!..

* * *

Прохлада с гор
 спускается в долину,
по склонам облаков переходя
и разминая спекшуюся глину
стремительными каплями дождя.
Закрыв глаза, по запаху прибоя
и вкусу виноградного вина
который век спускаюсь за тобою
в долину тектонического сна.
Глоток-другой забытого «Агдама»
и, наконец, увижу, как живых,
из глины сотворенного Адама
и женщину
 из капель дождевых...

АЗОВ

Это маленькое море —
десять метров глубины,
эти волны в переборе
уморительно смешны.
Человек бывает грешен,
а природа — никогда.
Как песок над побережьем
рассыпаются года.
И звучит забытый говор
по нагайским берегам,
и волна, меняя гонор,
набегает по слогам.
Не тебе ли адресован
этот зов издавека,
это небо над Азовом,
заповедное пока?

* * *

Как одинокая луна
сияла женщина на пляже —
ничья на свете не жена
и не возлюбленная даже.
Она морскую глубину
хранила, как зеницу ока,
но кто польстится на луну,
хотя она и одинока?
Народ приехал отдохнуть,
и нет желанья никакого
по-человечески тонуть
за ту луну со дна морского.
Похоже, и любовь моя
определяется тобою
по линии небытия,
а не по линии прибоя.

Одни загорают,
 другие торгуют —
у каждого смертного свой интерес.
А если шальные дожди атакуют,
то пляжные люди бегут под навес.
Волнуется море, фальшивит гитара,
гетера нетрезвую песню поет;
и там, под навесом, помимо загара,
один покупает, другой продает.
Проходят века,
 но в плохом сериале
гитара фальшивит на том же ладу,
пока догорает шашлык на мангале,
звезда на востоке и души в аду.

Сидит человек у реки
и слушает голос воды,
и мысли его далеки
от века

на круге беды.
А век человека влечет
по той траектории, где
река никуда не течет,
и только

круги по воде.

1

48

на рассвете — облачка,
на закате — лепота,
туалет на два очка,
холодильник и плита;
в огороде бузина,
у дороги васильки
и несбыточного сна
переправа у реки...

2

Собрался поработать,
но лопата
элементарно валится из рук,
поскольку солнце клонится к закату
и тени удлиняются вокруг.
Наверное, вечерняя природа
располагает выпить и поспать.
А жизнь идет по дальним огородам —
другой не будет,
если не копать.

* * *

Друг друга отражают зеркала...

Г. И.

Когда сентиментальная Луна
заходится маниакальным светом,
я понимаю: красная цена
твоей любви — пятак, на свете этом.
Еще не зачихлили зеркала,
которые застыли между нами,
а ты уже, наверное, была
иными озабочена делами.
Я вглядываюсь в собственные сны
и различаю — темную, сквозную —
зеркальную проекцию земную
на оборотной стороне Луны.

Поэт, журналист, художественный критик. Автор книг «Дом, отапливаемый утопиями», «Дневные листья — ночные корни», «О. поэтах. и. о. поэзии», «Летопись молчания», «Я жалею о своем воображении» (Mi lamento della mia immaginazione — билингва), «Расстояние между галактиками» (Galaksien valisesta etaisydesta — билингва), «Музей разогнанных облаков». Живет в Санкт-Петербурге.

ТУТ И ТАМ

ИЗ ЦИКЛА «НОВЫЙ КИНЕМАТОГРАФ»

Фильм ужасов
или картина-панорама:
«Бедные атомы
массово бегут
с тонущей
молекулярной
кухни».

ПЛАЧ МОЗГА

Если мозг плачет,
то как
и по ком?
И чем тогда
являются его слезы?
Плачем сердца
или плачем души?

БАНАЛЬНОЕ В РАЗУМНЫХ ДОЗАХ

У нас
идет снег.

Идет и тает...
Идет и тает...
Идет и тает...

Вот такая
у нас
теплая зима...

Другой —
и не надо.

ИЗ ЦИКЛА «ГАЗЕТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ»

Петру Казарновскому

ВТОРОЕ Я
ПЕТРА ПЕРВОГО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Л. А.

Я был в восторге
от стихотворения Пастернака
«Грудь под поцелуи, как под рукомойник»,
когда двухметровый санитар
делал мне сорок уколов от бешенства.

Я пытался уловить разницу
между мчащимися тучами в стихах Пушкина
и дрожащими облаками в стихах Фета,
когда два хулигана избивали меня
на конечной остановке трамвая.

Я думал о кокетстве
как о типичной болезни метафор,
когда три рослых бабы насиловали меня
в парке культуры
и отдыха.

Я размышлял о мистике
в творчестве Достоевского,
когда с крыши девятиэтажного дома
мне на голову упал кирпич
из какого-то полного собрания сочинений.

ЭПИГРАФ ДЛЯ КНИГИ «ОРИЕНТАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ»

ТУТ И ТАМ
ТАМ и ТУТ
(Автор неизвестен)

А НЕБЫТИЕ ОСТАЛОСЬ...

Встретились однажды
Смерть и Небытие.
— Я работаю, не покладая рук,
а ты чем занимаешься? — спросила Смерть.
— Я? — удивилось Небытие. — Ничем.
Мне вообще-то и не надо
чем-либо заниматься.
Меня вроде как бы и нет...
— Нет?! — возмутилась Смерть. — Как это нет?
Тебя люди боятся больше,
чем меня,
а ты говоришь,
что тебя нет.
— Меня нет, но кое-чем
я все-таки занимаюсь.
— Чем же? — спросила Смерть
теперь уже
с нескрываемым интересом.
— Умирая,
я выпускаю не дух...
Наверное, этого
все и боятся...
— Я, между прочим,
тоже боюсь, —
призналась Смерть
и поспешила ретироваться.
А Небытие осталось
и продолжило наслаждаться
своим несуществованием...

ИЗ ЦИКЛА «ГАЗЕТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ»

Чем больше
Пушкина мы любим,
тем больше он,
чем наше все!

ЕЩЕ ОДНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ УЛОВКА

Я — раб
собственного
мозга.
Но когда
я мыслю,
я — его господин!

* * *

Абсолютная
монархия:
власть
души
над телом.

ИГРА СЛОВ

Эй, вопрос,
хватит
задаваться!
Я, ответ,
уже готов
к тому,
чтобы пощекотать
твое самолюбие!

НАСТОЯЩЕЕ СЧАСТЬЕ

— Вы гений
в каком поколении?
— Уже в седьмом!
— А я всего лишь в первом.
Но зато у меня есть
высокое звание.
— Какое?
— Я — непризнанный гений...
— И давно?
— Вот уже полжизни.
Или даже больше.
Но это не важно.
— А что важно?
— Быть
непризнанным гением.
Это и есть
настоящее счастье!

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

А вдруг человек —
это эрзац
кого-то
или чего-то?

Почему кого-то
или
чего-то?

Человек — это эрзац
всего,
что есть на свете
и даже того,
чего нет!

РАЗРЕШЕНИЕ

Не верьте тому,
что говорят
про инженеров
человеческих душ!

Великий писатель
имеет право
писать свои романы
не от начала к концу,
а от конца к началу.

И даже вообще
ничего
не писать.

В МИРЕ МЕТАФОР

Знакомьтесь:
это Госпожа Робость.
Она боится
показываться на глаза.
Любит прятаться
за многоточиями
и вопросительными знаками.
Никогда не празднует
своих и чужих
дней рождения.

А когда ей сообщают
о преждевременных утратах
или о грядущих бедах,
она тут же бежит
в ближайшую авиакасса
и покупает билет
в далекое прошлое.

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

Я написал роман
и хотел поставить
свою фамилию
под написанным,
но почему-то раздумал.

И этот роман,
ставший очень быстро
мировым бестселлером,
вышел в свет
без указания
моего имени.

От миллионных гонораров
я тоже отказался —
в пользу
бедствующих поэтов.

ФОКУС-ПОКУС

Из секунды — подушка
Из минуты — кровать
Из эпохи — могила

ЛЮДИ ДОБРЫЕ...

Я дарю вам
дюжину
восклицательных знаков,
чтобы вы,
набрав в легкие
воздуху,
прокричали
во всеуслышание:

Нет! Нет! Нет!
Нет! Нет! Нет!
Нет! Нет! Нет!
Нет! Нет! Нет!

ЗАГАДКИ

В честь какого философа
я сморщил лоб
и почесал затылок?
(Это не Кант
и не Декарт.)

Для какого поэта
я весь день
повторяю эту рифму:
язык — не привык?
(Не пытайтесь угадать —
он уже умер.)

И где сейчас
тот художник,
которого я научу
не бояться
автопортретов?

(Раскрою тайну:
он еще
не родился.)

ИЗ ЦИКЛА «БАНАЛЬНОЕ В РАЗУМНЫХ ДОЗАХ»

1. Отличить погоду
от климата
очень просто.
Погода переменчива,
а климат постоянен.

2. Найти клад
может каждый.
Каждый счастливчик.

3. Побывав в театре,
мы начинаем
репетировать свою жизнь.

4. Когда наступает будущее,
то рушатся все планы
на будущее.

1 АПРЕЛЯ НА ТАМОЖНЕ

Соблюдая
все правила
техники безопасности,
открыли дверь,
ведущую
в Троянского коня.
И оказалось,
что внутри него
пасутся
настоящие арабские скакуны.

Вот хохоту-то было.
И радости —
тоже много.

Короче говоря,
праздник смеха
удался на славу.

Но фамилию человека,
устроившего
этот розыгрыш,
выяснить не удалось.

ОПЯТЬ ТРАГЕДИЯ

Переложил
свое завещание
на музыку,
а лебединая песня
все равно
не получилась...

ВОЛШЕБНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Все сказки
давно уже превратились
в мыльные оперы.
А все принцы и принцессы,
которые жили
долго и счастливо

и умерли в один и тот же
день и час,
давно уже
в международном розыске...
Ну как давно?
Вот уже серий 150!

ИЗ ЦИКЛА «ЧИСТЫЕ ФАНТАЗИИ»

Диоген мыл свою бочку
точно также
как Пигмалион —
свою Галатею.

КВАДРАТНАЯ КОНФИГУРАЦИЯ

Эй, пошлость!
А поведай-ка нам
печальную историю
о том, что время —
самый лучший лекарь...
Эй, скука!
Спой, пожалуйста,
веселую песенку
о Сизифе,
который вкатывает камень в гору...
Эй, зависть,
да перестань же ты наконец
подкладывать дрова в костер,
на котором сожгли Джордано Бруно...
Эй, страх!
Хватит тебе бояться
долгой и счастливой жизни
после смерти...

* * *

Вот бы научиться
не говорить правду,
а синхронно переводить ее
на более безопасный язык.
Например, на эсперанто
или на волапюк...

ИЗ МОНОЛОГА ХРОНОСА

Подумаю
о вчерашней эпохе
Помечтаю
о завтрашней вечности
И спою пару куплетов
о бегущей секунде

ЗАДАНИЕ САМОМУ СЕБЕ

Мне следует
взять свое эссе
о Василии Кандинском
и оценить его
как вполне законченное
стихотворение
в прозе.

Об исполнении — доложить:
тоже самому себе.

МАТЕМАТИКА ЖИЗНИ

Папа — постулат,
мама — аксиома,
а их дети —
это пока еще никем
не доказанные
теоремы.

НЕВИДИМКИ

А и Б сидели на трубе.
В и Г гуляли по крыше.
Д и Е спешили в банк.
Ё и Ж подметали пол.
З, И, К читали газеты.
Л, М, Н выясняли отношения.
О и П уезжали в командировку.
Р и С играли в шахматы.
Т и У готовили мясной салат.
Ф и Х смеялись над анекдотом.
Ц и Ч бежали к финишу.
Ш и Щ искали клад.
Ъ, Ы, Ь старались не попадаться на глаза.
Э и Ю крепко спали.
Я умирал от одиночества.
Й рождалось из пены морской, как Афродита.

Поэт. Автор 24 книг стихов и прозы, основатель и редактор литературно-художественных журналов «Истоки», «Литкультпривет!». Член Союза писателей России, член Международной Федерации русскоязычных писателей, член-корреспондент литературной Академии республики Крым. Печатался в журналах «Юность», «Великоросс» (Москва), «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Доля», «Крым» (Симферополь), «Наше поколение» (Кишинёв), «Простор» (Казахстан), «Новый ренессанс» (Германия), «Новая Немига литературная» (Белоруссия), «Литературная Канада» (Канада) и др. За вклад в русскую словесность, национальную культуру награжден орденом «Культурное наследие».

ЖИЗНЬ. ВОЛЯ

* * *

Мир, быть может, вам не мил,
Не для вас составлен,
Если смотрите на мир
В дырочку от ставен.

Я ЖИТЬ НЕ ПЕРЕСТАНУ

Я в жизни в жизнь верил,
По жизням жизнь мерил,
Всем открывая двери
И душу, и себя.

Когда я жить не стану,
Я жить не перестану,
Из прошлого восстану,
Все прошлое любя.

* * *

Человек для славы
Может сдвинуть горы.
Не стыдись быть слабым,
Но стыдись быть гордым.

* * *

Средь нас и в нас,
И каясь, и греша,
Живет незащищенная душа.
Ее не остеречь,
не уберечь,
Она — как раны кровяная течь.

* * *

День. Рывок.
Жизнь. Воля.
Раненый росток.
Дерево
живое,
Раз оно
растет.

Срез коры
березы.
Лезвие ножа.
Слез с норы
и в росы
Босиком бежать

Дерево живое
Раз оно растет.
День, рывок.
Жизнь, воля,
Раненый росток.

* * *

В мечтах наших вечно витает
Солидный домашний бюджет,
А денег всегда не хватает,
Особенно если их нет.

ЭХ, ПРОКАЧУ!

Я этим летом
На грани лет
Надрандулетил
Свой драндулет,

О трех колесах
Велосипед
Надрандулесил
На грани лет.

Пешим хотите?
Я не хочу.
Годы, рулите! —
Эх, прокачу!

И там, где брода нет,
И где спешу:
По малой родине —
По Ингашу.

Я этим летом
На грани лет
С пешим поэтом
Вело-поэт.

Двигаюсь гордо,
Словно лечу.
Скоростью годы —
Эх, прокачу!

Мне бы едва
Удержаться сейчас —
Восемьдесят два
Километра в час!

Поэт. Родился в 1989 году. Окончил Менделеевский университет, кандидат биологических наук, работает в Международном биотехнологическом центре «Генериум», разрабатывает процессы получения лекарственных препаратов. Печатался в газетах «Литературные известия», «Поэтоград», журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», интернет-изданиях «Подлинник» и «Гостиная». Автор трех книг стихов. Член Союза писателей XXI века с 2022 года.

ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влячился...*

А. С. Пушкин

1

Предупреждал меня народ,
Что я глупец и сумасброд,
Что смерти в пасть я лезу.
Но верная дорога в рай
Ведет через пустынный край,
Страдания, аскезу.

В пустыне я блуждал, молясь,
Как вдруг песок пустился в пляс,
И скалы стали зыбки,
Хотел я встать к Врагу лицом,
Но он обвинил меня кольцом,
Оскалившись в улыбке.

2

Враг обратился ко мне:
Я заберу твою душу,
Пламя на тело обрушу,
Корчиться будешь в огне!

3

Затрепетал я перед ним,
Но дух мой был неумолим,
Ведя меня в сражение.
Тогда безжизненный ландшафт
Очнулся, стал огнем дышать
И весь пришел в движение.

Природу искажало Зло:
Песок, как жидкое стекло,
Горел сильнее светила,
А горизонт бурлил, скакал,
Вращался хороводом скал —
Играла вражья сила.

Я принял правила игры
И, задыхаясь от жары,
Не потерял надежды,
Забыла страх душа моя,
Хотя обуглились края
Дымящейся одежды.

4

Пламя меня не сожгло,
Боль не лишила рассудка,
Радостно было и жутко:
Не победит меня Зло!

5

Но вот из дымовых завес
Спустились демоны с небес:
Визг, вонь, хвосты спиралью,
Кровавый дождь меня накрыл,
И гной стекал с багровых рыл,
С клыков, обросших сталью.

Из-под земли за рядом ряд
Шли бесы, изрыгая яд,
Шли проданные души,
Сто тысяч дьявольских полков,
Кошмары, страхи всех веков
Прошедших и грядущих.

Колоколами застонал,
Завыл органо́м сатана,
Пел гимны черной мессы,
И на меня за строем строй
Обрушивался адский рой,
Атаковали бесы.

6

Как в темноте мошкара
Гибнет, коснувшись лампы,
Корчились, плавилась гады,
Словно я пламя костра!

7

Враг отозвал свой легион,
Но тут же показал мне он
Зло будущих столетий:
Века резни, века пальбы,
Повсюду страх, везде рабы,
Приученные к плети.

Гремел девятый вал войны,
Марионетки сатаны
Вершили судьбы мира,
Снаряды рвали небеса,
Дома пылали, дым плясал,
Как змей под свист факира.

Взбесились воздух, твердь, вода:
Землетрясений череда,
Цунами, взрывы, смерчи,
В руинах сотни городов,
Рыдания сирот и вдов,
Стон, вой, мольбы о смерти...

И я оглох, ослеп, во мгле
Хрипел, катался по земле
И бился лбом об скалы,
И пресмыкался, как змея,
Но на вопрос, сдаюсь ли я,
В усмешке зубы скалил.

8

Силы иссякли во мне,
Люди — не сталь и не камни,
Но помогает пока мне
Вера, что тверже камней!

9

Враг сдался, отступил, и вот
Остыл кипящий небосвод,
Мираж сменился явью,
А я лежал без чувств и сил,
Всевышний жизнь мою хранил,
Его я вечно славлю.

Я брел по пустоши в бреду,
Выкрикивая на ходу
Бессвязные молитвы,
Но я был цел и невредим,
А Враг растаял, словно дым
Над полем нашей битвы.

10

Вдруг раздалось в тишине:
Ты победил, но однажды
В бездну низвергнется каждый,
Все вы достанется мне!

ИЗМЕРЕНИЯ ЗА

Юрию Казарину — учителю и собеседнику

* * *

Поле иван-чая, поле ковыля...
Стелется, венчая песню и шмеля.
Стелется и длится клевер-разговор.
Дерево таится в прорези озер.
Зрение иное колет и болит.
Яблоко глазное в яблоню глядит.
Блики яблок зрячих — в призрачном зрачке.
В капельках горячих на щеке.

* * *

проскользнуть измерения за
убежать в самоволку
заглянуть в ледяные глаза
волку

в ледяные нули заглянуть
волчье вычерпать лыко
продолжая мерцающий путь
одинокое и дико

оглядеть недотрогу-тайгу
где валежники хвоя
где на тысячи верст ни гугу
вече волчьего воя

прозревая кричи не кричи
у любви под прицелом
лишь крещенский *мороз в кирпичи*
дышит белым

сквозь века восковая тоска
да строфа-катастрофа
то маячит крючок рыбака
то голгофа

незабвенного инея тень
словно ворон перронный
вдаль глядит закованный день
трехоконный

сквозь туман обретая черты
безвоздушен нездешен
как чисты на лице бересты
рты скворешен

дым эдема срываясь с небес
погостит снегопадом
сад утратив заглавную эс
смотрит адом

только детские книги читать
только древо и птица
целокупному взгляду под стать
жизнь седмица

полосатые версты одне
лишь слова светonosны
законные зримы во тьме
сосны

* * *

Дерево — календарь.
Дерево — поводырь.
След на воде — фонарь.
Кровь на снегу — снегирь.
Дерево нарекли, значит, и быть тому.
С листьями — от земли
в небо
по одному...

* * *

в ночной колодец сколько ни смотри
темно внутри
у глубины его и высоты
твои черты
ночной колодец деревянный сруб
лишь малый куб
бесхозного колодезного льда
внутри звезда

* * *

Впопыхах без особых на то причин разбираешь ключи,
по привычке перебираешь отмычки
от замков песочных, от ледяных дворцов...
Прозреваешь, в конце концов, замечая свет на ладони пустой,
нужен ключ золотой.
Понимаешь после, что и скважины нет для ключа.
В сокровенную дверь не нужно даже стучать.
Понимаешь, не заперта, и открыта была всегда.
Обоюдная в глиняной чаше двоится вода...
Понимаешь, что и двери нет, и не было никакой.
Обоюдное небо и море солнечной льется рекой.
Благодатным словом навстречу фасеточным окнам твоим,
где в каждом зрачке между двух глубин
многоочитый молчит Херувим...

* * *

бабочки оболочка непроглядна
внутри темно
хотя бы маленькое окно
крошечное окошко
чтобы совсем немножко поглядеть
куда лететь
как жить

бабочка-невеличка
покажи личико
покажи

* * *

Не вымеряя оперения...
Как все земные малыши,
хранит дитя-стихотворение
лишь свет в зародыше души.

В ночном стечении-молчании,
в ладонях огненных Творца
не разглядеть первоначального
его лица.

Оно пока что — глина белая.
Не круговерть, но благодать.
Умеет, ничего не делая,
огнем неузнанным сиять.

Сквозит сквозь оболочку тесную
то град, то снежная крупа...
Макнув перо во тьму чудесную...
Внезапно лопнет скорлупа...

Раздвинет музыка незримая
твою заоблачную тишь...
Лишь эту музыку, любимая,
лишь эту музыку услышь...

* * *

Стихотворения ветреный мир не достроен.
Взгляд сотворяющий лишь достоин
вымолчать все, что внутри узрел,
пока сквозь себя неустанно глядел
возникновением букв, осмолением слов,
изобилием боли, которая есть — любовь...
Непрошнным, неприглашенным
прозреваешь во храме большой души,
достраивая невозможные, снежные этажи...
Чтобы просто жить.

* * *

Осень и синь страницы — замкнутый круг.
Вырваться из больницы; вырваться вдруг.
Только одна дорога. Или река?
Точка любого круга — взгляд в облака.
Взгляд до последней птицы: вскользь и вокруг...
В окна своей больницы с видом на юг.

* * *

боль сближает лишь тех у кого болит
кровоточит
боль неотъемлемый сателлит
ее неразборчив почерк
крикнешь прокуренным утром
смерти нет
в ветхое ухо внезапно-цепной болезни
эхом глухим содрогнется не этот свет
Поэт...
с глаз исчезни

* * *

Безлюдья следы на ночных перронах.
В падении огненного состава
лишь мельком увидишь огонь в вагонах,
но смутная тьма остается справа.

Да кто я такой? В серебре карьера
машу фонарем, в пустоту вращая.
Ни права, ни крова. Одна лишь вера.
Надежда, любовь и пернатых стая...

* * *

Что река, занесенная снегом,
берега в убегании пегом —
бесконечная смена картин...

Что земля, убеленная настом,
тополя в удивленьи глазастом,
целокупного неба сатин...

Что огонь в безымянном камине,
раздуваемый ветром отныне.
Трепетание, треск хворостин...

Что, душа, в ожидании жадном?
Равнодушно встречает в парадном
день февральский. Как прежде, один...
Карантин.

* * *

и только печь не устанет жечь
рукописей спесь оберегая речь
когда застывает кровь на порог
ступает древесный Бог
сырые слова у поленьев нетленных в плену
разрастаясь во всю ширину-длину
прорастая в высоту-глубину
оставляют огню лишь одну
воздушную тишину

* * *

Тень, огибая угол дома,
наполовину лишь знакома.
Там, за углом, — промозгла мгла.
Другая

я туда ушла.
Не по земле, но по стене
скользит с другими наравне
настенными тенями
за белыми санями...

* * *

касаясь лубяными губами слюдяного зеркала-лекала
воздавая обоюдному небу дождевые ладони-дни
зрить в глубину
быть единым взглядом инородным но родным
пренебрегая нетерпением ветра трением материка
вплетая лепту в лепетание колких осколков
падающих но подающих надежду
обнимая огнем земель утренней кроной
отражаясь в гулком зеркале неба

* * *

В беглом углу — картина, но вдруг,
не выпуская цветка из рук,
из темного полотна выходит Она,
мгновенье спустя кладет золотое дитя
в распростертые руки, благословляя на муки...

* * *

Жить! В столярной мастерской на лирическо-тверской
одинаково малы потолки или полы,
гроб, рубанок и доска без задоринки сучка...
Пусть — в тисках на верстаке, в одиночестве-тоске,
но, не отрывая глаз от берез, живущих в нас.
Жить, не трогая пера до прихода Столяра.

Поэт, прозаик, публицист, издатель, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

МОИ ПАЛЬЦЫ УМНЕЕ МОИХ СЛОВ

ЧЕЛОВЕК — XXI

— Не надо убивать людей,
Не надо убивать зверей,
Не надо вырубать деревья, —
Молю, от боли одурев, я.

И чушь про ближнего несу,
И покупаю колбасу.
И в теплом доме деревянном
Сроднился с кожаным диваном.

2025

И ВСЕ-ТАКИ МУЗЫКА

15-летний музыкант,
играющий в ансамбле баянистов-аккордеонистов
Глинку, Чайковского...

60-летний старик,
играющий на гитаре собственные немудреные мелодии...

Это я.

Мои пальцы умнее моих слов.

2025

К ТЕБЕ

Тебе

Иду на работу — иду к тебе.
Иду в магазин — иду к тебе.
Иду на огород — иду к тебе.
Иду на кладбище — иду к тебе.
Иду на небо — иду к тебе.

У меня больше нет никаких сомнений —
Куда я должен идти.

2025

Прозаик, поэт. Родился в 1976 году в Москве. Окончил Государственный университет управления (1998) и Высшую школу Европейских культур (2002). С 2004 по 2018 год жил и работал в городе Регенсбург в Германии. С 2019 года проживает в Москве. Пишет в жанре «миниатюра, афористика». Член Московского союза литераторов и Московского клуба афористики. Автор трех книг афоризмов. Лауреат многих литературных конкурсов.

ПРО ТАРАКАНОВ... В ГОЛОВЕ

* * *

Самые прожорливые звери — это тараканы в твоей голове.

* * *

Если ты встречаешься с девушкой, то тараканы в твоей голове встретятся с тараканами в ее голове — и у вас может родиться слон.

* * *

Если в голове зашевелились тараканы, скажи всем, что это шевелятся извилины.

* * *

Клетки человека обновляются каждый год, а тараканы в голове остаются те же.

* * *

Сколько в головах людей тараканов, столько и мнений.

* * *

Я за демократию — тараканы в моей голове участвуют в решении всех вопросов.

* * *

При решении спорных вопросов учитывай голос тараканов в своей голове.

* * *

Мы с ней друг другу подходили идеально, но тараканы в наших головах не нашли общего языка.

* * *

Не страшно, когда в голове много тараканов, страшно, когда таракан один — ты сам.

* * *

Дай таракану фонарик, он возомнит себя светлячком.

Поэт, пародист, издатель. Ответственный секретарь «Иерусалимского журнала». Родился в 1949 году в г. Невель Псковской области. Окончил Витебский станкоинструментальный техникум. Служил в войсках ПВО (1968–1970). После службы в армии окончил Ленинградский политехнический институт (1976) и работал мастером, начальником цеха на Витебском заводе часовых деталей, преподавателем в средней школе. Живет в Иерусалиме с 1990 года. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах.

ПЯТЬ ПАРОДИЙ

БАОБАБНОЕ

*Я эвкалипт,
Я сбрасываю кожу
И становлюсь светлее и моложе...*

Максим Валух

Я — яшень.
Выдаю народу справки:
Кто с кем, когда — как бабушки на лавке.

Я — баобаб.
Быть классно баобабом.
Живу сто лет и очень нравлюсь бабам.

Болтает там народ
на суахили.
Одно волнует — чтобы не спилили...

ГАЛИМАТЕРНОЕ

*Читал, читал твою статью
От корки и до корки —
Угрюмую галиматью.
Уньлые разборки.*

Евгений Лесин

Кто слушает Мирей Матью,
А кто с восторгом — Лепса.
А я читал галиматью
С большой бутылкой швепса.
Читаю все день ото дня,
За что не платят евры.
Но вдохновит она меня
На новые шедевры.

ГОГОЛЕВСКОЕ

*...рукописи старые горели,
и теплее становилось мне.*

Александр Трунин

В жизни ждут всегда нас передряги,
но, поэты, лень гоните прочь,
не жалейте никогда бумаги,
сочиняйте в рифму день и ночь.

Не жалейте тратить вдохновенье,
доходя до истины самой,
а когда отключат отопленье,
вот уж чем согреешься зимой!

БАЛДЕЖНОЕ

*...А я балдею от чужих стихов,
от воздуха, лежащего слоями...*

Геннадий Русаков

Мне для восторга не хватает слов,
мой опыт от прочтенного в осадке —
я так балдею от чужих стихов,
любой журнал открой — там их десятки.
Поэтов знаю много молодых,
их всех пересчитать по пальцам сложно!
А кто ж балдеет от стихов моих?
Я думаю, что пародист, возможно!

СЛАВОСЛОВНОЕ

*Я не по Торе жил, не по Корану,
Своей эпохи не ценил масштабы.
Но сильным мира я не пел осанну
И не смеялся никогда над слабым.*

Михаил Баранчик

Живу я не по Торе и Корану,
Но помогаю бедным и калекам,
Подлизываться ни к кому не стану.
Так и живу приличным человеком.

Хорошее во мне как в монолите,
Люблю природы разной кутерьму я.
И только слабость мне одну простите,
Что так живу, достоинства рифмуя.

«БОЖИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК» ПАВЛУША

(Очерк о жизни и творчестве П. И. Якушкина)

ЧАСТЬ I

Павел Иванович Якушкин (1822–1872) — ученый-фольклорист, прославленный собиратель устного народного творчества, самобытный русский человек. Он оставил заметный след в истории отечественной культуры, в воспоминаниях современников. Н. А. Некрасов в своей поэме-эпопее «Кому на Руси жить хорошо» (1877) запечатлел Павла Якушкина в образе Павлуши Веретенникова:

ШТУДИИ

Да был тут человек,
Павлуша Веретенников
(Какого роду-звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
<...>)
Беседует с крестьянами,
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!

Яркая, колоритная личность фольклориста не могла не увлечь и «самобытнейшего писателя русского» Н. С. Лескова (1831–1895), который создал очерк «Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине» (1884). Оба они — известный собиратель фольклора и знаменитый литератор — были «земляками в тесном смысле»: «оба мы родились в Орловской губернии, даже в смежных уездах — он в Малоархангельском, а я в Орловском»¹, — отмечал Лесков. Писатель одобрял демократическую

позицию Якушкина, с большим вниманием относился к его деятельности. Сам Лесков, по его признанию, знавший народ «с детства и без всяких натуг и стараний», выступал не только как беллетрист, но и как тонкий фольклорист, и даже как собиратель фольклора, этнограф. Например, «крестьянский роман» «Житие одной бабы (Из гостомельских воспоминаний)» (1863) целиком построен на народно-песенном репертуаре Кромского уезда Орловской губернии, родной писателю деревушки Гостомли.

Таким образом, в какой-то степени совпадали предмет изображения и интересы обоих писателей. Но самое главное, что привлекало Лескова в его земляке, — это неординарность, «изюминка», «натура», в которую, как утверждал писатель, «можно верить больше, чем в направления»². Известно, что он не мог терпеть и почти не изображал людей неярких, ординарных, «безнатурных». Знаменательно, что Павел Якушкин стал не только героем лесковского очерка воспоминаний, но и послужил прототипом Василия Богословского — центральной фигуры первого крупного художественного произведения «Овцебык» (1862), в котором Лесков выразил свое понимание национального характера: «русский человек <...> принимает все <...> горячо, с аффектацией и с пересолом» (I, 47).

Впервые «Сочинения» П. И. Якушкина вышли в свет в 1884 году — уже после его смерти. Именно в этой книге был помещен биографический очерк о собирателе фольклора, принадлежащий перу писателя и этнографа С. В. Максимова, и «Товарищеские воспоминания» одиннадцати литераторов — людей, близко знавших Якушкина, в числе которых находился и Лесков. По отзыву многих современников, лесковские «воспоминания» представлены наиболее содержательно и талантливо, передают своеобразие личности Якушкина с наибольшей полнотой: «Это как бы законченный художественный очерк, картинка с натуры, нарисованная с обычной г. Лескову талантливостью» (Н. В. Шелгунов). В жанровом отношении это произведение представляет собой интереснейший сплав публицистического очерка, рассказа, сказки, жития. Лесков в своих воспоминаниях стремился передать индивидуальное своеобразие личности симпатичного ему человека.

Писатель неоднократно высказывался относительно фактографичности своего творчества, опирающегося на жизненный материал. Образы Василия Богословского («Овцебык») и самого Якушкина («Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине») связаны внешне и внутренне. Так, портрет Богословского списан с натуры и передает отличительную примету внешности Якушкина, у которого первое, что бросалось в глаза, были «вихры», или «лохмы», придававшие ему вид «дикообраза». Богословский же был обязан своим странным прозвищем длинным косицам, которые он закручивал на висках, так что они напоминали рога овцебыка: «я и не подозревал вовсе существования такого странного зверя в пределах нашей черноземной полосы» (I, 34), — замечает автор-повествователь. Итак, перед читателем экзотическое существо — «овцебык», «дикообраз», «странный зверь», живописная и несуразная фигура.

К тому времени, когда появилась лесковская повесть, читательской публике уже был известен роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и его главный герой Евгений Базаров, чей облик — «длинный балахон с кистями», «обнаженная красная рука», «волосы, длинные и густые» — стал устойчивым знаком «неблагонамеренности», «стиля» радикалов. У «чистой» публики возбуждали негодование «красные» натруженные руки, длинные (или короткие — у женщин) волосы, неучтивое, вызывающее поведение и множество других шокирующих черт.

В «Товарищеских воспоминаниях» Лесков пишет, что «дворянские чистоплюи» «скоро стали указывать на неряшливый костюм Якушкина и на беспорядочность его безалабернейшей жизни» (XI, 85). Внешний облик героя очерка был призван подчеркнуть его

«направление к простонародности». Еще во время учебы в орловской гимназии учитель-немец Функендорф — настоящий монстр, по воспоминаниям Лескова в его «Автобиографической заметке» (1885), — прозвал Якушкина «мужицка чучелка» (XI, 72). Простонародный костюм «бродяги-литератора»: кумачовая рубаха, опоясанная веревочкой, поддевка, сапоги — вошел в историю литературы в некрасовской поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.

Важно отметить, что одежда Якушкина не была маскарадным переодеванием, а соответствовала роду его деятельности, образу жизни, стилю, характеру. К примеру, известно, что профессор Московского университета И. М. Снегирёв записывал фольклор в вицмундирном фраке. Якушкин же хотел приблизиться к мужику, пробить стену недоверия между интеллигенцией и народом. Сам он, полуплебей-полудворянин по происхождению, сын мелкого помещика, женившегося на крепостной, возможно, решил выступить связующим звеном, *мостиком* над пропастью, разделяющей высший и низший социальные слои русского общества. Таким образом, даже в необычной внешности собирателя проявились и своеобразие его личности, и особенности социальной позиции.

С. В. Максимов в очерке о Якушкине писал: «В городе, не терпевшем тогда никакого разнообразия и отступления даже в архитектуре зданий и придумавшем форменную одежду для дворников, появление поддевки показалось явлением довольно резким. Столичный глаз привык понимать по платью только два вида людей: военных и статских»³. В формализованной донельзя России мужицкую одежду Якушкина (в которой он, например, позволял себе появляться в первом ряду кресел столичных театров) одни воспринимали как вызов, свободомыслие, другие — как своеобразный призыв к восстановлению самобытности личности. «Этот необычный для своего времени "губернский секретарь" не обратился, как подобало, сначала в титулярного, а затем и в более основательного советника» (XXXIV), — замечал о Якушкине поэт Н. С. Курочкин. По его мнению, главная заслуга людей, подобных Якушкину, в том, что они явились «первыми воскресителями личности среди формально-мертвенной и обезличенной до того России» (XXXIV).

Однако наивная попытка через внешнее приблизиться к сути народной жизни осталась нереализованной. Несмотря на то, что собиратель и «ходил мужиком» — «в красной рубахе и плисовых шароварах, но носил очки, из-за которых настоящие мужики ни за что не хотели его признавать "мужиком", а думали, что он "кто-то *ряженный*"» (XI, 73), — справедливо замечал Лесков. В романе Тургенева народ аттестует Базарова «чем-то вроде шута горохового». «Овцебыка» также не раз именуют «шутком», «чудаком», даже «отставным комедиантом» (I, 88). Складывается трагикомическая ситуация, в которой герой — «ни барин, ни крестьянин, да и ни на что никуда не годящийся» (I, 84). «Барин, но порченный... не совсем он в порядке в мыслях» (LXIX), — приводит народный отзыв о Якушкине Н. А. Лейкин.

Лесков передает рассказ самого Якушкина о том, как к тому «придрались» какие-то «фабричные ребята» и его «потолкали». «Сомнительно им показалось: мужик, а в очках ходит?! — Думали, не подослан ли с каким намерением, — сказывал Якушкин» (XI, 82–83).

Фольклорист стал героем и другого курьезного происшествия: теперь уже «на чужбине над ним судьба строила иную забавную шутку». Однажды в Париже Лесков стал свидетелем того, как бойко распродавались фотографии «вихрастого» Якушкина, «под которыми по-французски было написано *«Pougatscheff»*. Пугачёв — и в очках?! Но Лесков безуспешно пытался разубедить палерояльских торговцев. «Под обозначением "Пугачёв" фотографии Якушкина, разумеется, шли бойчее» (XI, 82).

«Подозрительная внешность» «мужика в очках» даже послужила поводом для его ареста полицией города Пскова в августе 1859 года, после чего Якушкин стал знаменитым на всю Россию «героем дня, и им все интересовались» (XI, 73). У полиции не нашлось никаких доказательств «подрывной деятельности» собирателя, и он вскоре был отпущен на свободу. По отзыву Н. С. Курочкина, этому «обыденному происшествию» в тот период общественного подъема, накануне ожидаемых перемен «горячая молодая публицистика» придала <...> размеры чуть не мирового значения» (XXXVIII). Псковский полицмейстер Гемпель даже вынужден был объясняться. Имя Якушкина стало в те годы почти легендарным. Н. С. Курочкин вспоминает, что даже «стали появляться различные Якушкины-самозванцы или Лже-Якушкины <...> имя Якушкина представляло собою как бы запугивающий талисман для полиции» (XXXVIII).

В действительности Якушкин никого не мог бы запугать или огорчить. Его незлобность, по определению Лескова, — «доброту органическую» (XI, 82) — некоторые склонны были относить на счет «странного характера». «Он не только мог прощать *всё*, — *решительно всё*, — замечает о Якушкине писатель, — но он даже не мог не простить чего бы то ни было. Врагов у него не было, а понятия его об обидах были удивительные» (XI, 82). Эту же черту Лесков сохраняет за героем повести «Овцебык»: «Меня ведь обидеть нельзя» (I, 41), — признается Василий Богословский.

Для писателя, создавшего цикл «Праведники», в этом не было ничего удивительного. Его герой живет по евангельской заповеди «*прощай обиды, не помни зла*», и в этом «забулдыжка» (XI, 84) Якушкин (как называл его «резкий, но меткий» А. Ф. Писемский) совпадает со святыми и праведниками земли русской.

Лесков представил совершенно новый и смелый взгляд на личность Якушкина. Беспечного балагура, в глазах многих — никуда не годного человека, поскольку «варварски *беспощадно*» (XI, 84) обращался он и со своим здоровьем, и со своей репутацией, — оказывается, было можно и должно не только любить, но и уважать. И если поначалу читателю, возможно, и хотелось бы сохранить «дистанцию» по отношению к «безалаберному» герою, то постепенно взгляд проясняется. Писатель рассчитывает на нравственную чуткость своих читателей и всех, кому памятен Якушкин. Чтобы оценивать его, Лесков апеллирует не только к уму, но и к человеческому сердцу: «добрые и умные люди при всем этом Якушкина не только любили, но даже что-то такое в нем и уважали» (XI, 84). Героя лесковского очерка теперь уже отличает от других не внешнее — костюм или бесшабашное поведение, а внутреннее, живущее в глубинах его «чистой, младенческой души» (XI, 85): «*Уважали* в Якушкине, я думаю, наверно, его святое, всепобеждающее *незлобие*, которому нельзя было указать ни границ, ни подходящего примера. Он в этом превосходил все и всех» (XI, 84). Неожиданно и недвусмысленно герой лесковского текста получает высокие знаки святости: «Если за это пленительное свойство души смертному может быть присуждена святость в другом мире, то покойный Павел Якушкин имеет на нее все права

и даже с особенными преимуществами. Незлобие его поистине было — незлобие праведника» (XI, 84).

В то же время Лесков рисует пример «смелого и самоотверженного великодушия», когда Якушкин спас девушку, бросившую букет цветов к месту гражданской казни Н. Г. Чернышевского. Этот эпизод подтверждается и воспоминаниями другого мемуариста — В. Н. Никитина (XXXI–XXII). Великодушие, «евангельская беззаботность» о себе самом, «настоящее, прямое благородство» (XI, 85) — черты, столь редкостные в эпоху капитализации России, — выделяет Лесков в своем очерке о Якушкине. «Не было в нем никакой деловитости, и мог он всякую какую угодно выгодную и серьезную комбинацию обратить в самые сущие пустяки» (XI, 80). И если, например, для П. Д. Боборыкина Якушкин — только беспечный «прожигатель жизни» (LXXVI), то Лескову по-особому дорог герой, не поддавшийся влиянию денег, противостоящий закону личного эгоистического интереса: «По безалаберности своей и лености он часто жил совсем без денег и крупную денежную единицу начинал считать с полтинника» (XI, 77). Писатель удивляется этой наивности и в то же время она его трогает, умиляет. Якушкина, сумевшего сохранить ясную душу и почти детское отношение к миру, автор часто называет ласково, как ребенка, «Павлуша».

В основе многих эпизодов повести «Овцебык» лежат реальные случаи, почти дословно воспроизведенные затем в «Товарищеских воспоминаниях». Например, история с сапогами. Если у Овцебыка они «совсем разевали рот», то он шел ко мне или к вам, без всякой церемонии брал ваши запасные сапоги, <...> а свои осметки оставлял вам на память» (I, 32). В очерке Лесков пишет, как, увидев однажды на коврике, где ночевал его гость, «пару самых отчаянных, самых невозможных оттоптов с совершенно рыжими голенищами и буквально без подошв», он нашел на столе «рукописание» Якушкина: «Был у тебя и взял твои немецкие сапоги, получи за них семь рублей от Некрасова» (XI, 77). Чтобы оценить вполне «самую странную наивность» (XI, 75) Якушкина, надо знать, что в ту пору Лесков не был лично знаком с Некрасовым; на страницах некрасовского журнала «Современник» писателя нередко ругали, и все же, не без удивления замечает Лесков, его приятелю «казалось естественным, чтобы я пошел к Некрасову «получить семь рублей»... И почему именно семь? <...> Это так и осталось, разумеется, его секретом» (XI, 77). Поступки героя непредсказуемы, часто просто необъяснимы с точки зрения обыденного здравого смысла: «Понимать деяния Якушкина иногда бывало трудно, и от наивности его можно было ожидать соображений самых невероятных» (XI, 79).

Якушкин в очерке и главный персонаж в повести «Овцебык», подобно многим другим любимым лесковским героям, выглядят внешне странными, чудаковатыми. Якушкин в изображении Лескова напоминает в чем-то «низкого героя» русской волшебной сказки. Он рисуется внешне неряшливым, некрасивым, от него, кажется, нечего ждать. Народ неоднократно называет Богословского «блажным». Семантика этого определения многомерна: и «блаженный», «святой», и «придурковатый». Глупость «низкого героя» в фольклоре — это только отсутствие обывательского здравого смысла, неумение устроиться в земной жизни — то, что называется *«святая простота»*. Но именно за нее герой и награждается в сказке. И в этом Высший Промысел, оправдание, недоступное практическому здравому смыслу.

Так, поиски Лесковым положительных типов пересекались с духовными исканиями народа, что нашло отражение в поэтике лесковских произведений, которые М. Горький образно называл «житиями святых дурачков русских»⁴.

Как известно, в народном творчестве главное содержание типа «простака» — его детскость. Черты «взрослого ребенка», а также его «странная деликатность», «странная наивность» доминируют в образе Якушкина под пером Лескова. Писатель рассказывает, как, не имея своей квартиры в Петербурге, «Павлуша» часто заходил к нему ночевать и «сам укладывался спать всегда неизменно на одном "собачьем месте", т. е. на подножном коврике у кровати» (XI, 75), чем приводил хозяина в величайшее смущение. «Крайний неряха» Якушкин оправдывался тем, что не хотел огорчать горничную: чистюля-немка содержала квартиру в идеальном порядке. Причина и в другом. Якушкин привык переносить все тяготы и лишения скитальческой жизни и не хотел менять привычек. Также и по воспоминаниям С. И. Турбина, Павел Иванович расположился у него в передней на полу, «чтобы привычки не терять, не баловаться» (LXXV).

«Жил на свете Живулечка, как ему Господь повелел» (XI, 71) — эти слова, которые Лесков избрал эпиграфом к «Товарищеским воспоминаниям о П. И. Якушкине», как нельзя лучше передают сокровенную суть личности героя, у которого доброта «безотчетно истекла из его натуры <...> Он мог только отдать нуждающемуся все, что у него было, но у него у самого чаще всего ничего не было» (XI, 82). То же читаем и о герое «Овцебыка»: «Ему отдавать было нечего, но он способен был снять с себя последнюю рубашку и предполагал такую же способность в каждом из людей, с которыми сходил» (I, 32).

Многие современники Якушкина считали его наивность, простодушие чертами «патриархальными», связанными с прошлым: «Калика перехожий он был подлинный, — писал С. В. Максимов, — со множеством ярких черт этого стародавнего русского типа» (XXVIII); «Всего менее можно было назвать его человеком скрытным, себе на уме. Он просто-напросто сохранился таким простаком, которые попадаются в глухих провинциях: очень доверчивый, очень ласковый, готов на бескорыстную службу, побежит по первому призыву и даже деньги не считает заветными. В Якушкине даже следовало удивляться тому, каким способом он сумел уберечь в себе это патриархальное, старомодное простодушие» (X). Однако, хотя Лесков всегда пленялся милой «старой сказкой», с его точки зрения, все это черты не столько прошлого, сколько будущего, заповеданного в евангельских идеалах совершенства человека.

ЧАСТЬ II

Отрицая выдуманные условности и буржуазные приличия, Якушкин старался видеть в людях именно их человеческую суть, относиться к ним, как заповедано Христом, по-братски. «Этот совсем непрактичный человек, — вспоминал Н. С. Курочкин, — не умевший за всю свою жизнь свить себе даже собственного гнезда <...> сумел самым блистательным образом разрешить трудную задачу отношений к другим людям. Обращаясь прямо по-братски ко всем, с кем он вступал в близкие отношения, он в ответ встречал то же братское радушие» (XXXVII). С изумлением вспоминая, с какой быстротой росли знакомства только что прибывшего в Петербург Якушкина, С. В. Максимов называл его «успешным миссионером» (XI).

Это выражение представляется очень удачным. Действительно, в бездушно-казенной столице Якушкин выступил с миссией человечности и доброты. Он со всеми умел сохранять дружественные отношения и даже пытался выступить посредником между враждующими лагерями, примирить непримиримые стороны в накаленной социально-политической атмосфере конца пятидесятых — начала шестидесятых годов XIX века. В своем очерке Лесков пишет о «великом расколе», «литературной распре»: «из одного лагеря, с одним общим направлением к добру, — образовались две партии: "постепеновцев" и "нетерпеливцев". Якушкин как будто ничего не понимал в этом разладе и не прерывал своих отношений с товарищами из постепеновцев и нетерпеливцев. <...> Я тогда остался с постепеновцами, умеренность которых мне казалась более надежной» (XI, 74).

Вспоминая все эти события двадцатилетней давности, Лесков все еще не мог освободиться от чувства горечи из-за несправедливых гонений и нападок на него в те годы. И, думается, неслучайно в конце повести «Овцебык» появляется запись: «Париж. 28 ноября 1862 года» — может быть, и не вполне точная, по замечанию сына писателя⁵. Ни до, ни после этой повести у Лескова не было привычки с точностью датировать свои произведения. Но здесь, видимо, он придает датировке особое значение.

В начале 1860-х годов отлученный от литературы радикальной критикой за статью о петербургских пожарах, Лесков (псевдоним: Стебницкий) стал мишенью для насмешек и издевательств. Например, сатирический журнал «Оса» подавал следующие «советы редакторам и литераторам»: «Г-ну Стебницкому. Оставить писание романов, наводящих уныние и сон, заняться изучением брандмейстерского искусства и писать статьи об одних пожарах»⁶. «Бойкий публицист обеих столиц на глазах превратился в "погорелого литератора"»⁷. Затравленный, «распятый заживо», Лесков вынужден был бежать за границу. Здесь ему хотелось объективно разобраться в событиях, пережитых на родине, — все это и скрывается за указанием времени и места создания повести «Овцебык». И через двадцать с лишним лет — уже в «Товарищеских воспоминаниях о П. И. Якушкине» — прочитываются незабытые обиды Лескова: «я был порицаем много» (XI, 74), «взял <...> книжку "Современника", где я был на тот случай образцово обруган с обычными намеками и подозрениями» (XI, 76).

Якушкин, который в то время тесно сотрудничал с «Современником», не разорвал прежние связи с друзьями из другого идейного лагеря и, наоборот, хотел соединить людей в их «общем направлении к добру». С Лесковым он сохранял самые благожелательные отношения и даже пытался оградить его от резких и несправедливых выпадов революционно-демократической критики. Интересна эта попытка заступничества за Лескова: «— Знаешь, я сейчас пойду к Некрасову и скажу, что это свинство. Он говорит о тебе хорошо, а позволяет писать совсем скверно. Я их за тебя сам обругаю.

Я, разумеется, просил его ничего в этом роде не предпринимать» (XI, 76).

Определяя общую тональность лесковского очерка о Якушкине, американский ученый-славист Хью Маклейн — автор обширной монографии «Николай Лесков. Человек и его творчество» (Гарвард, 1977) — назвал этот тон «теплым, хотя и покровительственным»⁸, с оттенком снисходительности. На первый взгляд, основания для такой оценки есть. В воспоминаниях о Якушкине Лесков не раз называет своего простодушного приятеля «ребенком, требовавшим няньки» (XI, 81). Писатель не скрывает своего невысокого мнения об уме этого «взрослого ребенка»: «Судил он всегда очень честно, но иногда не толково, а в поступках других людей часто был лишен способности различать между добром и злом и ни в каких мало-мальски сложных делах для совета вовсе не годился» (XI, 84). Однако писателю дорого в Якушкине то, что «доброта у него преобладала над умом» (XI, 82).

В финале воспоминаний появляются, на первый взгляд, неожиданно образы древних философов и мудрецов: «Сократ и Антисфен, с которыми ставить на одну ногу нашего "Божьего человечка" даже неловко» (XI, 88). Но Лесков сразу же устраняет мнимую неловкость напоминанием об универсальной истине относительно судьбы «пророков в своем отечестве». Цель лесковских «Товарищеских воспоминаний о П. И. Якушкине» — вызвать доверие и расположение к своему «*праздношатающемуся*», «с странною наружностью» (XI, 88–89) герою, который «многим не нравился» только потому, что старался сохранять в себе человека и искал того же в других. «Новый Диоген!» — так называют и Василия Богословского в повести «Овцебык»: «все людей евангельских ищет» (I, 38).

Однако для казенно-обезличенного общества с его жесткой регламентацией такой колоритный человек казался «непереносным»: «Пренебрегать приличиями и внешнею добропорядочностью в наш век не удобнее, чем в век Антисфена и Диогена» (XI, 89). И если даже Сократ подвергался гонениям своих современников, «которые видели досадительные неудобства в сожительстве с таким человеком и решились его сбывать с рук, и сбывали», то тем более «надо простить и извинить суровость, проявленную к Якушкину» (XI, 89), — горько иронизирует Лесков.

С глубочайшей болью рассказывает писатель о ссылке своего приятеля: «Увезли Павла Ивановича из Петербурга в ссылку в Орёл, а потом в Астрахань без меня <...> Эту олицетворенную простоту, этого ребенка, требовавшего няньки, везли с жандармом»; «Как могло жить под надзором полиции это доброе, доверчивое и наивное дитя <...> — это трудно, да и мучительно себе представить» (XI, 85). Выразительный социально-психологический контраст: «ребенок» и «жандарм», «дитя» «под надзором полиции» — говорит не о нелепости «взрослого ребенка», воплотившего в себе евангельское «*Будьте как дети*», но о неразумии и несовершенстве системы социальных отношений.

Хотя Лесков говорит, что «*политика* Якушкина занимала очень мало» (XI, 86), нельзя обвинять писателя в сглаживании социальной остроты, как это делали ранее⁹. Несмотря на свое милое простодушие, Якушкин в воспоминаниях Лескова не выглядит «Памвой безгневным» из лесковского рождественского рассказа «Запечатленный Ангел» (1873): «согнуби ему — он благословит, прибей его — он в землю поклонится» (IV, 365). «Павел Иванович, — замечал Лесков, — хотя и был смирен и незлобив до крайности, но не боялся ни суммы, ни тюрьмы и <...> «не гнул головы ни перед кем». Мужик, по недоразумению, мог его потолкать, но на светлейшего Суворова <князь, при котором Якушкин был выслан из Петербурга. — **А. Н. - С.**> он, пожалуй, мог и сам вытаращиться и даже прикрикнуть» (XI, 86). Социальные симпатии и антипатии Якушкина здесь вполне различимы.

«Чудакам» и «праведникам» необходимо было обладать редким мужеством, чтобы исполнять свой гражданский и нравственный долг. С. В. Максимов, близко знавший

Якушкина, выделял именно это его качество — «высказывать правду в глаза, забывая о щекотливости самолюбий, не памятуя о том, что <...> возможно мщение по размеру силы и влияния лица, выслушавшего эту голую правду. Привычку эту <...> мы называли в шутку юродством, запоздавшим ровно на триста лет» (XXII–XXIII). По Лескову же, «юродивые», «блаженные», «святые дурачки русские» и есть олицетворение Божеского начала в человеке, необходимого во все времена. Изображая в Павле Якушкине и Василии Богословском не абстрактное беззлобие, а прямооту, честность, обостренное нравственное чувство, нежелание ни при каких обстоятельствах не идти на сделку с совестью, Лесков выделил черты героической натуры.

У Богословского нет уверенности в правильности избранного пути: «О, когда б я знал, что с этим можно сделать!.. Я на ощупь иду» (I, 49). «На ощупь» шел и Якушкин, впервые прокладывая пути в народ. «Путь был темен, — метафорически определял это направление С. В. Максимов, — приключений бездна, и жердочка тонка, и речка глубока, опасность на ней велика... Выход Якушкина, надо помнить, был новый — никто до него таких путей не прокладывал. Приемам учиться было негде; никто еще не дерзал на такие смелые шаги <...> — встречи глаз на глаз с народом. По духу того времени затею Якушкина можно было считать положительным безумием» (VII). Разумеется, это не «безумие», а величайший энтузиазм, безоглядная увлеченность идеей служения народу, для которой требовался настоящий подвиг самоотречения. Испытывая постоянные полицейские преследования (из десяти походов только один обошелся без них), терпя бытовые лишения, собиратель фольклора сознательно обрек себя на бродяжническую, странническую жизнь.

Лескову были хорошо известны «злострадания» Якушкина на его подвижническом поприще. Собираясь в служебную поездку по заданию Министерства народного просвещения, Лесков просил у министра А. В. Головнина «вид», гарантирующий путешественника «от подозрительности должностных лиц», способный защитить его «от неприятных случайностей, встреченных, например, гг. Якушкиным и Рыбниковым <...> При общей склонности видеть в каждом путешественнике, интересующемся народными делами, человека опасного, политического агитатора, такая бумага делается необходимою даже для человека, далекого от мысли об агитации»¹⁰.

Действительно, в правительственных кругах считали, что «Якушкин есть тайный агент "красных", посланный волновать народ, а что соби́рание глупых народных песней, которые поют пьяные, есть только предлог»¹¹. Было издано распоряжение министра внутренних дел, согласно которому редакторы газет и журналов не имели права направлять в народ собирателей устного творчества, а сами фольклористы по прибытии на место обязаны были заявлять о себе полиции. Однако и в этих условиях Якушкин выискивал возможность продолжать свою работу. Энтузиаст-фольклорист понимал народное творчество очень широко: он не только записывал устные произведения, но изучал жизнь и быт народа, глубоко входил в его нужды. Якушкин резко осуждал поверхностных, как он говорил «*галантерейных*», исследователей народной жизни, в сущности, ничего о ней не знавших. Один из его современников, А. С. Гацицкий, вспоминал: «В остроумных насмешках Якушкина просвечивала, однако, серьезная мысль о том, как много у нас исследуют народную жизнь, не выдавши вовсе ее; о том, что принимаются за эти исследования джентльмены в белых перчатках, которые подходят к ней, воротя нос, и в конце концов далеки от нее по-прежнему, по-прежнему видят в ней то, что им хочется, а не то, что существует в действительности»¹².

Этот взгляд полностью отвечает позиции Лескова, который, говоря в «Автобиографической заметке» о своей близости с народом, утверждал: «публицистических

рацей о том, что народ надо изучать, я вовсе не понимал и теперь не понимаю. Народ просто надо знать, как самую свою жизнь, не штудировав ее, а живучи ею» (XI, 12). Устами героя «Овцебыка» писатель дает собственную оценку (совпадающую с точкой зрения Якушкина) тех, кто «сочиняет» о народной жизни, сидя в уютных кабинетах. Это грешники — лжецы и лицемеры: «О, горе сим мытарям и фарисеям! <...> Болты болтают, а сами ничего не знают. <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтобы видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй» (I, 52–53). Сам герой, безусловно, готов отдать всего себя на служение ближнему.

«Новые люди» — герои романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) — знали, *«что делать»* и *куда* идти. Судьбы героев Лескова обрываются тупиком, многозначительно поименованным словом-символом «*некуда*» уже в начале творчества писателя — в повести «Овцебык», а затем и в романе «Некуда» (1864), где трагическое слово-образ оказалось вынесенным в заглавие. Поиски своей дороги в ситуации, когда «*некуда идти*», естественно, были сопряжены и с заблуждениями, и с мучительными сомнениями, и с ошибками. «Мое, вижу, все ни к черту не годится, — признает Василий Богословский. — Недаром вы каким-то звериным именем меня называли. Никто меня не признает своим, и я сам ни в ком своего не признал» (I, 86).

Горько и трагично положение непонятого, осмеянного «агитатора». Как и многие демократы-шестидесятники, Якушкин идеализировал народ, уповал на его «естественную мудрость». Однако сам Лесков вовсе не был склонен возводить мужика на пьедестал. Полемически по отношению к позиции Якушкина освещается эпизод воспоминаний — случай «в философском или учительном роде» (XI, 81). Так же, как Достоевский направлял обитателей гостиних поучиться жизни у «*куфельного мужика*» в очерке Лескова «О куфельном мужике и проч.» (1886), так «народолюбец» Якушкин призывал всех и каждого «учиться смыслу» у бывшего крепостного, орловского крестьянина Матвея Зайцева. «Мой бедный Матвей запил и удавился в Киеве, никому не разъяснив того народного смысла, который в нем провидел своим оком П. И. Якушкин» (XI, 81), — с горькой иронией заключает Лесков.

Некоторые черты отличают Василия Богословского от его прототипа. По замечанию Хью Маклейна, «жизнь обеспечила Лескова идеальным экземпляром»¹³ для его героя, однако какие-то изменения в образ необходимо было внести: «экземпляр» должен был быть более «типическим», менее «особенным», чем Якушкин — «полудворянин» по происхождению. Василий Богословский — сын сельского священника. Именно поэтому источники образа можно искать не только в лице Якушкина, но и Чернышевского, Добролюбова, Помяловского, Решетникова, Успенских. Кроме того, заслуживает внимания предположение американского ученого о том, что по своим религиозным устремлениям «Богословский скорее походит на отца Лескова, чем на Якушкина. Семён Лесков читал Евангелие и греческих и римских классиков, с презрением отклоняя современную литературу, включая популистские истории в радикальных журналах»¹⁴.

В «Товарищеских воспоминаниях» ничего не сказано о религиозности Якушкина. По-видимому, единственным божеством, которому он поклонялся, как и многие демократы тех лет, был народ. В его сочинениях упоминания о Боге встречаются в основном как форма народной этикетности: «Я сошел с большой дороги и подошел к одному пахарю: — Помогай Бог!»¹⁵.

Герой Лескова Василий Богословский, подобно отцу самого писателя, закончил духовную семинарию. Хотя он и отказался от поприща священника, но не сделался атеистом и нигилистом. Знаменательно, что в конце жизни Богословский жалеет, что

не стал священнослужителем, к авторитетному слову которого народ привык прислушиваться: *«Васька глупец! Зачем ты не поп? Зачем ты обрезал крылья у слова своего? Не в ризе учитель — народу шут, себе поношение, идее — пагубник»* (I, 94). Герой в самом себе ощущает горение проповеднического дара. В своем служении он мог бы быть похожим на «неуемного» протопопа Савелия Туберозова в романе-хронике Лескова «Соборяне» (1872). Богословский постоянно размышляет о Боге, о тайнах бытия, толкует Писание, хочет найти разрешения «вечных вопросов»: «чем Сезам отпереть» (I, 77). Разгадку он ищет повсюду: и в сочинениях Платона, и в православном монастыре, и у раскольников. Но последние, с их формализмом и «буквоедством», «только морочат головы своим секретничаньем» (I, 77), хотя тоже не знают заветного слова «Сезам, отворись» (I, 76).

Тем более не приближает к разгадке смысла бытия любовь земная. Женщин Овцебык сторонится. Иногда его заявления походят на женоненавистничество: «что мне до бабы, что мне до любви! Что мне до всех баб на свете!» (I, 77). Итальянский славист Пьеро Каццолла считает героя «пуританином, который никогда не любил женщин»¹⁶. Но все же Богословскому не чужды нежные чувства, сердечные влечения. Этот «пуританин» не забывает, что в раскольниковей среде у него осталась «будто жена» и незадолго до гибели просит переслать ей деньги «на случай, если дитя родилось» (I, 84). Полна сокровенного психологического смысла и следующая художественная деталь: «платок с красною меткою» (I, 95), обнаруженный в сундучке героя после его смерти. Красавица Настасья Петровна, жена хозяина, когда-то перевязала Овцебыку раненую руку, и оказалось, что он бережно хранил этот окровавленный носовой платок как знак сочувственного внимания небезразличной ему женщины.

Нельзя согласиться с Хью Маклейном, который видит причину трагедии Овцебыка в его непрактичности и нереалистичности. Главному герою повести исследователь противопоставляет со знаком «плюс» коммерсанта Александра Ивановича Свиридова, вышедшего из народной среды, который якобы «знает, куда идти. <...> Богословский же может иметь характерный знак святости, но он бесполезен в реальном мире»¹⁷. Такая трактовка по-американски не может быть признана справедливой для характеристики лесковских героев-праведников, наделенных национально русским самосознанием. Как и героям Достоевского, которым «не надобно миллионов, главное — мысль разрешить», Богословскому важно разрешить вечный вопрос о смысле бытия, на который, конечно, никогда не ответят «мужи кармана» (I, 85) типа «Александров Ивановичей», устремленных только «к земной пище» и даже не помышляющих о высшем назначении человека. Убедившись в том, что «некуда идти. Везде все одно. Через Александров Ивановичей не перескочишь» (I, 85), Василий Богословский кончает жизнь самоубийством.

Тупик этого «некуда» может быть истолкован с духовно-аналитических позиций, и именно этот подход многое проясняет в пресловутой непредсказуемости русской природы. В Овцебыке-Богословском жертвенность как национальная черта раздваивается: «жертвенность "за идею", становящуюся кумиром, и служение Истине Христовой неизбежно приходят в противоречие <...> "разлом" между упорно тлеющей в нем верой и идеями приводит к трагедии. Разверзается пропасть между духовным служением и насущным "прислуживанием"»¹⁸. Это противоречие наглядно сказалось уже в поэтике двойного имени главного действующего лица повести: «Богословский» — служитель слова Божьего; «Овцебык» — зоологическая семантика этого прозвища снижает высокий ореол истинного духовного призвания героя.

Рассказчику в повести «нестерпимо жаль» его «страдающего приятеля» (I, 74). Однако Овцебык для него — «чудак», «рыцарь печального образа» (I, 74), Дон-Кихот, самоотверженный, но вступивший на безумный путь. Выход из тупика и подстерегающей героя трагедии был намечен в лирическом отступлении автора — одном из самых поэтических фрагментов художественного мира, созданного Лесковым, — в описании впечатлений от его собственных первых опытов православного благочестия, по-детски чистой, не замутненной разьедающим скепсисом веры, общения с монастырским человеком, который *знает*, что разгадки смысла человеческой жизни не существует вне Бога.

Композиция образов Василия Богословского в «Овцебыке» и Якушкина в «Товарищеских воспоминаниях» во многом сходна. Вначале перед читателем живописный и немного нелепый, даже в чем-то абсурдный, озадачивающий феномен. Далее — волнующая ситуация открытия повествователем и читателем человека в «странном звере», праведника в «чудаке» и «шуте». В структуру образа включается также элемент «чудесного», как его понимал и любил изображать Лесков. Читатель становится свидетелем формирования народной легенды о герое. Обрастая курьезами и слухами, образ приобретает черты легендарности, и это также роднит его с праведниками, например, с героем-праведником в лесковской повести «Несмертельный Голован» (1880).

Писателю очень нравится определение, данное покойному Якушкину С. В. Максимовым. Лесков с ним полностью солидарен и выделяет эту точно найденную, справедливую и трогательную характеристику курсивом: *«божий человек»* (XI, 86). Авторская теплота, любование прочитываются в эмоционально-экспрессивной окраске фольклорно-стилизованной лексики: случись бы за народ постоять, «божьего человека» бы «впереди всех поставили, — чистым полотенечком его занавесили бы, а на грудь в белы ручки образок дали бы. И он бы так стоял с образком, как святой. А если бы стрелять в них стали, то он так бы первый и копырнулся, обливаясь кровью от первого же выстрела» (XI, 84).

«Овечья наружность» Овцебыка, который, если продолжить зоологическую метафору, хотя рожки и выставляет, но никогда никого не забодает (они у него загнуты кольцами вниз), а также кротость и незлобие Якушкина создают в подтексте чистые образы агнцев жертвенного заклания. О судьбах этих героев — «добровольных мучеников» (I, 95) — можно было бы сказать словами Лескова в память о его друге — писателе и историке Церкви — Ф. А. Терновском: «Бедный, бедный и милый Филипп! Кротчайший бе паче всех человек и сколько печалей и обид он встретил!.. <...> Кроткий Филипп сослужил свою службу "овна Авраамова" и для тех, которые, не видя его, считали его "нечесаным зверем" и, ища, кого заклать "в жертву Богу", заклали его...»¹⁹.

Образы Павла Якушкина в «Товарищеских воспоминаниях» и Василия Богословского в повести «Овцебык» пополняют созданный в художественном мире Лескова «для Руси иконостас ее святых и праведников»²⁰. С их помощью воплощает писатель свой грандиозный замысел «оправдать Русь» — задачу, поставленную «не от ума, а от сердца»²¹. И если Василий Богословский — один из первых образов праведников в литературной галерее Лескова, то Павел Иванович Якушкин, с «натуры» которого во многом «списан» Овцебык, — один из последних. Так тема праведничества соединила «начала» и «концы» в общем духовном и художественном целом всего лесковского творчества.

Примечания к части I

1. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: Гослитиздат, 1956–1958. — Т. 11. — С. 71. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте: римская цифра обозначает том, арабская — страницу.
2. Цит. по: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1984. — Т. 1. — С. 289.
3. Сочинения П. И. Якушкина с портретом автора, его биографией С. В. Максимова и товарищескими о нем воспоминаниями П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. Ф. Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Лескова, Д. Д. Минаева, В. Н. Никитина, В. О. Португалова и С. И. Турбина. — СПб., 1884. — С. II. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.
4. Горький М. Н. С. Лесков // Собр. соч.: В 30 т. — М.: ГИХЛ, 1953. — Т. 24. — С. 232.

Примечания к части II

5. Лесков А. Н. Указ. соч. — Т. 1. — С. 237.
6. Цит. по: Аннинский Л. А. Лесковское ожерелье. — М.: Книга, 1982. — С. 26.
7. Там же. — С. 19.
8. McLean H. Nikolai Leskov. The Man and His Art. — Harvard University Press. Cambridge Massachusetts. London. England. — 1977. — P. 66.
9. См.: Базанов В. Г. Павел Иванович Якушкин. — Орёл: Орловская правда, 1950. — С. 32.
10. Цит. по: Лесков А. Н. Указ. соч. — Т. 1. — С. 245.
11. Цит. по: Баландин А. И. П. И. Якушкин. Из истории русской фольклористики. — М.: Наука, 1969. — С. 131.
12. Там же. — С. 244.
13. McLean H. Nikolai Leskov. The Man and His Art. — Harvard University Press. Cambridge Massachusetts. London. England. — 1977. — P. 104–105.
14. Там же. — P. 107.
15. Якушкин П. И. Сочинения. — М.: Современник, 1986. — С. 124.
16. Cazzola P. Sulle orme dei «giusti» di Leskov // Studi in onore di Ettore Lo Gatto. — Roma, 1980. — P. 24.
17. McLean H. Nikolai Leskov. The Man and His Art. — Harvard University Press. Cambridge Massachusetts. London. England. — 1977. — P. 108.
18. Троицкий В. Ю. Россия Лескова: русская идея и русский характер (к вопросу о методологии исследования) // Традиции. Культура. Образование: Научный сборник. — М., 1996. — С. 24.
19. Цит. по: Лесков А. Н. Указ. соч. — Т. 2. — С. 272.
20. Горький М. Н. С. Лесков // Собр. соч.: В 30 т. — М.: ГИХЛ, 1953. — Т. 24. — С. 231.
21. Там же. — С. 232.

Писатель, филолог, культуролог. Родился в 1956 году в Москве. Окончил факультет русского языка и литературы МОПИ им. Н. К. Крупской. После окончания института работал в Музее книги Российской государственной библиотеки, где с 1987–1990 годов возглавлял научно-исследовательскую группу русских старопечатных изданий. В 1985 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Становление сонета в русской поэзии XVIII века (1715–1770)». С 1990 года живет в Лос-Анджелесе. Член Русского ПЕН-центра, Союза писателей Москвы и Союза писателей XXI века. Член редколлегии журнала «Новый берег». Лауреат Горьковской литературной премии 2009 года в номинации «Историческая публицистика». Почетный дипломант Всеамериканского культурного фонда имени Булата Окуджавы. Тексты Л. Бердникова переведены на украинский и английский языки.

ИВАН, ЧТО ЗА СЛОВОМ НЕ ЛЕЗ В КАРМАН

Иван Алексеевич Балакирев (1699–1763), или, как его называют в устных сказаниях, Ванька Балакирь, — самый, пожалуй, знаменитый российский шут. Имя его неизменно связывается с именем Петра Великого. Это он — «Иван, что за словом не лез в карман», перед лицом грозного монарха высмеивал сиятельных спесивцев и казнокрадов, защищал гонимых и сирых. В нашем фольклоре Балакирев обрел черты подлинно народного героя, став и ярким воплощением русского национального характера. Бессеребрянник и патриот, он чудесным образом соединил в себе правдолюбие и прямоту с озорством, изворотливостью и изрядной долей простонародной хитрости и лукавства.

Память об этом легендарном царском забавнике жива в русских народных преданиях Поволжья и Сибири, Карелии и Башкирии, в городском фольклоре Москвы и Петербурга. Причем сказители всегда почитали за честь объявить Балакиря своим земляком: сибиряки говорили, будто бы он был сослан в их край и одно время служил там писарем на заводах Демидовых; волжане же величались тем, что последние годы Иван якобы провел в городе Касимове, где имел земельный надел, и т. п. И сегодня фольклористы привозят из экспедиций все новые и новые варианты рассказов о проделках шута. Само словосочетание «шут Балакирев» настолько прочно вошло в народное сознание, что стало синонимом таких устойчивых выражений, как «шут гороховый» и «шут полосатый».

До нас дошел рассказ о том, как Балакирев придумал первую петербургскую поговорку: «Однажды Петр I спросил у своего шута: "Ну-ка, умник, скажи, что говорит народ о новой столице?" — "Царь-государь, — отвечает Балакирев, — народ говорит: с одной стороны море, с другой горе, с третьей — мох, а с четвертой — ох!". Царь вскричал: "Ложись!!!"

И тут же наказал его дубинкой, приговаривая с каждым ударом: "Вот тебе море, вот тебе горе, вот тебе мох, а вот тебе и ох!"».

Еще один пример неистощимого остроумия Ивана: «Шут Балакирев просил Петра Великого дать ему должность, и тот пообещал ему. Балакирев сказал ему, что он малограмотный, и поэтому просил дать ему должность мухобоя. И вот однажды к Петру Великому приехали два немецких министра. Они были лысыми, как бильярдные шары. Вот села муха одному министру на лоб. Тогда шут Балакирев взял в руку мухобойку и ударил министра по лбу. Министр покраснел, а Петр Великий набросился на шута. Балакирев же парировал: "Вы дали мне должность мухобоя. А если муха села на лысину такого важного лица, то должен же я ее убить"».

В другом анекдоте Петр привлекает шута для борьбы с ненавистными ему староверами — противниками реформ. «Как бы мне отучить бояр от грубых привычек их?» — обратился как-то государь к Балакиреву. — «Мы их "попотчуем стариной", — отвечал последний, — а чтоб действительно была цель наша, то мы состроим свадьбу какого-нибудь шута придворного». — «Ну и дело, — миролюбиво сказал государь, — Исайков надоел мне просьбами о женитьбе. Ты будешь его дружком и поусерднее попотчуешь их стариною!» «Только вели, государь, побольше купить жиру, перцу и самого дурного полугару», — предложил шут. Во дворце Франца Лефорта Балакирь устроил все к свадьбе в старинном вкусе и обычаях, а государь приказал, чтобы к назначенному дню все вельможи со своими женами съехались к нему в старинном русском наряде. Наконец, началась пирушка. Балакирь, как дружка жениха, преусердно потчевал приглашенных стариною, а особенно тех, которые негодовали на нововведения Петра. «Когда же недоставало его усилий к угощению, то он просил о том государя, которого повеление довершало намерение. Можно представить себе, как приятно было такое угощение даже самым грубым староверам. Как жестока была для них такая насмешка! И в самом деле, "с тех пор они стали не так грубы, как прежде!"».

Читатель, даже поверхностно знакомый с Петровской эпохой, увидит здесь явное смешение времени: упоминаемый в тексте Лефорт скончался в 1699 году; дворец же его был известен позднее как дворец Александра Меншикова, к которому это здание перешло после смерти Лефорта. Да и сама отчаянная борьба Петра с ветхозаветными бородами и старорусским платьем была актуальна для 1698-х — 1700-х годов, и, понятно, что Балакирев, родившийся в 1699 году, принимать в ней участие никак не мог.

Как попали подобные легенды в народную среду? Исследователи отмечают, что основой для них послужили книги: «Собрание анекдотов о Балакиреве» (Берлин, 1830), составленное литератором Ксенофонтом Полевым, и «Анекдоты о Балакиреве, бывшим шутком при дворе Петра Великого» (М.: Унив. Тип., 1831) некоего Александра Данилова. Только в XIX веке различные вариации анекдотов о шуте печатались под разными заглавиями свыше семидесяти (!) раз. «Можно думать, — замечает по этому поводу историк Евгений Анисимов, — что они были в числе самых читаемых народных изданий и вместе с лубками их развозили с ярмарок по всей России». Сведения об Иване взяты по преимуществу из этих сборников и потому за достоверность их нельзя поручиться.

Что же касается сюжетов о царском шуте, то Полевой, Данилов и их последователи позаимствовали их из собраний анекдотов, каламбуров и острот XVIII века, к Балакиреву никакого отношения не имевших. Можно назвать такие издания, как «Разные анекдоты, содержащие в себе мудрые деяния, великодушные и добродетельные поступки, остроумные ответы, любопытные, приятные и плачевные происшествия, — и служащие к пользе, забаве, удовольствию и образованию всякого состояния людей» (М.: Тип. Х. Клаудия, 1792) и знаменитый «Письмовник» Н.Г. Курганова, выдержавший десять переизданий (из них шесть

в XVIII веке), а также книги: «Товарищ разумной и замысловатой, или Собрание хороших слов, разумных замыслов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древняго и нынешняго веков. Переведенной с французскаго, и умноженной из разных латинских к сей же материи принадлежащих писателей, как для пользы, так и для увеселения общества. Петром Семеновым» (3-е изд. — М.: Тип. Компании типографической, 1787) и «Кривonos домосед страдалец модной» (Спб.: Тип. Богдановича, 1789). А сюжеты этих книг восходят, в свою очередь, к рукописным стихотворным жартам о скорморохе-плуте и переводным рассказам о проделках шутов (Совест Драла, Гонеллы, Станчика и др.).

Таким образом, русские компиляторы использовали «бродячие» по европейским культурам сюжеты анекдотов, которые они приноровили (более или менее ловко) к нашей действительности, приписав их Балакиреву и Петру. Однако, не отягощенные знаниями реалий Петровской эпохи, они допустили множество временных несообразностей. Нам же предстоит выяснить, насколько реален исторический характер шута Балакирева.

Сведения о жизни Ивана Алексеевича во времена Петра I довольно скудны. Он происходил из костромской ветви довольно древнего, восходившего ко второй половине XVI века, но обедневшего дворянского рода. Есть упоминание о том, что одно время он был стряпчим в Хутынском монастыре близ Новгорода. Известно, что шестнадцати лет Балакирев, как и полагалось дворянскому недорослю, был представлен на смотр в Петербург и определен в гвардейский Преображенский полк; ему также было велено обучаться инженерному искусству. Но солдатскую лямку тянуть пришлось недолго: около 1719 года его взяли в царский дворец. «Назначенный в ездовые к государыне Екатерине Алексеевне, Балакирев сумел воспользоваться обстоятельствами и сделался полезным разным придворным... Как человек умный и весьма дальновидный, он скоро постиг значение, каким пользовалась у императора его супруга, а у этой последней камергер Виллим Монс. Балакирев сделался у него домашним человеком, служил рассыльным между ним и Екатериною».

Вскоре он был пожалован чином камер-лакея. Именно Иван доставлял любовные цидулки неверной жены Петра сердцееду Монсу, о чем как-то под хмельком проболтался обойного дела ученику Ивану Суворову. И полетел анонимный извет, коему дали ход в ноябре 1724 года. Розыск поручили начальнику Тайной канцелярии Андрею Ушакову. Утром 8 ноября схватили Балакирева, а вечером того же дня — Монса вкупе с другими его подельниками: статс-дамой Матреной Балк и подьячим Егором Столетовым. Пётр не хотел обнародовать действительные причины дела (жена Цезаря — вне подозрений!), потому Монсу инкриминировалось непомерное взяточничество (что, впрочем, соответствовало действительности), а остальным — сообщничество и потворство ему «в плутовстве таком». 16 ноября в 10 часов утра перед зданием Сената на Троицкой площади состоялась казнь Монса. Когда его отрубленную голову взгромоздили на высокий шест, заплочных дел мастера принялись, наконец, за других фигурантов дела. Балакирев получил 60 ударов батогами и был выслан вон из Петербурга в Рогервик на строительные работы.

Правомерен вопрос: а был ли в самом деле у Петра такой шут — Иван Балакирев, или это фигура чисто апокрифическая? Исследователь Людмила Старикова категорично утверждает: «На самом деле никакого "шута Балакирева" при Петре I не существовало, как доказал в статье о нем известный архивист Пётр Петров». Имеется в виду биографическая статья о нем Петрова, опубликованная в журнале «Русская старина» в 1882 году, где автор действительно заявляет, что Балакирев шутом Петра не был. Но высказывания этого автора противоречивы. Дело в том, что Пётр Петров — не только ученый, но и автор исторических романов. В своем же романе «Балакирев» (1881) он повествует о том, как судьбу Ивана

Алексеевича в 1719 году решили именно его шутовство и неистощимое остроумие. Писатель воссоздает характерную сцену: солдат Балакирев стоит с ружьем на солнцепеке и несет вахту на берегу Большой Невы. Измучившись от зноя и жажды, он скинул «суму и перевязь, кафтан, рейтузы и рубашку, сложил на берегу и сам — бац в Неву». Тут вдруг неожиданно является Пётр и пальцем грозит. Прострафившийся служивый, как ошпаренный, «выскочил на берег, взял сапоги, схватил суму, надел перевязь по форме, шапку на голову, ружье в руки и мастерски при подходе его величества отдернул под караул... — "Хоть гол — да прав! — с улыбкой довольства за находчивость милостиво молвил государь и добавил: Насквозь виден — сокол!.. Расцеловать готов за находчивость. Истинно русская удаль!"». После сего растроганный Пётр взял Ивана во дворец.

Интересно, что коллизия с купанием в Неве перекочевала в комедию Григория Горина «Шут Балакирев» (1999), где она переосмысливается и предстает как чисто шутовское действие. Правда, на этот раз в реке спасается от зноя целая рота солдат; Иван же выстраивает бесштаных купальщиков по ранжиру, чем вызывает поощрительную реплику светлейшего князя Александра Меншикова: «Фамилия — звучная! Смекалка — быстрая! Рожа — наглая!.. В общем, пойдешь, Балакирев, служить к царскому двору... в специальную шутовскую команду!»

Блистательно (как будто сам подсмотрел!) Горин раскрывает и яркую самобытность Балакирева. Так, когда он прибывает во дворец, шутовская «кувыр-коллегия» требует от этого новоиспеченного шута показать свое искусство. Иван же говорит, что шутить может только по вдохновению, а шевелить ушами, ползать на коленях, музицировать задницей категорически отказывается. «Каков, ребята, — разъярился один из шутов, — мы здесь без продыху сутки дрович шутки, а ему, вишь, настроение подавай? Шас! А ну, вяжи его, братцы! Отпетушим по полной!». И шуты набросились на Балакирева, схватили за руки, начали стаскивать штаны. Ивана спас Пётр Алексеевич, который явился весьма кстати в самый пикантный момент. «Кто из них тебя первый огулял? Кто принудил?! Говори!» — грозно возопил монарх. Но Балакирев не стал выдавать товарищей: «Да никто не принуждал... Я сам вроде как предложил». И он поведал байку о том, что когда-то, в бытность свою в Костромском крае, царь Пётр будто бы случайно заглянул в дом Балакиревых. «А нет ли в этом доме того, кто главней меня? — спросил тогда царь и, подойдя к люльке, где лежал плачущий Иван, заметил: "Вот кто главней меня. Я ему прикажу "молчи!" — он приказания не выполнит. А он мне орет, мол, возьми меня на руки, царь, — я подчиняюсь!". "Взяли вы меня, государь, на руки, — продолжил Балакирев, — я и затих... Вы, Ваше величество, рассмеялись. И при всех меня поцеловали..." — "И куда ж я тебя поцеловал? — с усмешкой спросил царь. — "А вот я и собирался это господам шутам показать... Они уж очень просили. Уж коли, говорят, сам царь тебя туда целовал, Ваня, нам, стало быть, тоже это особенно приятственно будет... Вот только, значит, приготовились, а вы и помешали..." Пётр захохотал и заставил всех шутов целовать по очереди зад Балакирева.

Шутом по призванию, по вдохновению предстает Иван и в комедии Анатолия Мариенгофа «Шут Балакирев». Пётр предлагает здесь Балакиреву оставить шутовское ремесло и занять высокую должность, на что тот отвечает:

«Я недостойн милости такой.
Помилуй, государь, от награждения,
Оставь меня в дурацком званье. Оставь
Сей глупый мой мундир на голове,
А в голове свободный ум оставь мне».

В «Деяниях Петра Великого, мудраго преобразователя России...» Ивана Голикова, человека, всецело посвятившего себя изучению той эпохи, Балакирев фигурирует именно как любимый царский шут. Свидетельства Голикова заслуживают тем большего доверия, что он ссылается на устные рассказы современников — крестника царя, знаменитого «арапа Петра Великого» Абрама Ганнибала (1697–1781) и гидрографа, адмирала Алексея Нагаева (1704–1781). Он приводит подлинные анекдоты о том, как изобретательный Балакирев, надев на себя личину дурачества, разгонял мрачные мысли царя, избавляя его от участвовавших в последние годы спазматических припадков. «В одно из таковых припадков время, — рассказывает Голиков, — шут сей пригнал к самым окошкам комнаты, в которой находился Монарх, целое стадо рогатой скотины, из которых на каждой к рогу привязана была бумага. Рев и топот скотины принудил Монарха взглянуть из окошка, и, увидя на рогах их навязанные бумаги, велел одну из них подать к себе. Балакирев, как начальник сей, так сказать, депутации, принес первый их к Государю, говоря: "Это челобитная быков на Немцев, что они у них всю траву поели. Это развеселило Монарха, и он сам стал читать сию странную челобитную, в которой скотина сия доносит, что трава создана от Творца на их только пищу, и они пржде одни оною и питались; а ныне-де, Немцы лишают их оной, употребляя вместо их сами оную в пищу себе (разумея о салатах), и просят запретить им есть ее, а оставить им одним по-прежнему».

О шутстве Ивана Алексеевича в Петровское время говорят и видные русские историки XIX века. «Прикинувшись шутом, — свидетельствует Сергей Шубинский, — [Балакирев] сумел обратить на себя внимание Петра Великого и получил право острить и дурачиться в его присутствии». Михаил Семевский уточняет: «В неисчерпаемой веселости своего характера, в остроумии, в находчивости и способности ко всякого рода шуткам и балагурству, он нашел талант "*принять на себя шутство*" и этим самым... втереться ко двору его императорского величества... Верно одно: что Балакирев умел пользоваться обстоятельствами, умел делаться полезным разным придворным, был действительно из шутов недюжинных».

Слова «принять на себе шутство» взяты из официального обвинительного заключения по делу Монса, а потому они документально подтверждают: шут Балакирев в Петровское время существовал, здравствовал и забавлял русского царя. И то, что он служил камерлакеем и ездовым императрицы, сему нисколько не противоречит. Ведь при Петре потешников штатных, выполнявших исключительно шутовские обязанности, мы просто не находим: шутовской князь-кесарь Фёдор Ромодановский одновременно являлся начальником зловещего Преображенского приказа; князь-папа Никита Зотов имел чин действительного тайного советника и титул графа; кавалер шутейного ордена Иуды Юрий Шаховской был по совместительству главным российским гевальдигером и т. д. Таким образом, все названные лица время от времени «прикидывались шутами», «принимали на себя шутство», которое, кстати, тоже почиталось как своего рода государева служба. Но приведем текст документа, относящийся непосредственно к Балакиреву: «Понеже ты, отбывая от службы и от инженерного, по указу его величества, учения, принял на себя шутство и чрез то Виллимом Монсом добился ко двору его императорского величества, и в ту бытность во взятках служил Виллиму Монсу и Егору Столетову, чего было тебе по должности твоей, чинить не надлежало, и за ту вину указал его величество высечь тебя батогами и послать в Рогервик, на три года».

Видно, под горячую руку попал тогда Балакирев императору: ему пеняли даже на то, что так радовало и веселило всех — на шутство. В воспаленном воображении Петра даже излюбленные им прежде проделки паяца становились жупелом, обманом, орудием

преступного заговора. Как будто не собственным талантом добился Иван своего возвышения, а втерся в доверие, пролез — все по каверзам злокозненного Монса! Но и в припадке гнева царь наказал своего бывшего любимца мягче, нежели других обвиняемых по сему делу — Иван получил три года каторги (Егор Столетов — десять лет; Матрёна Балк — пожизненную ссылку в Сибирь).

В 1725 году на престол вступила Екатерина Алексеевна. Сама едва не пострадавшая из-за любви к несчастному камергеру, она возвратила в столицу всех фигурантов по делу Монса и осыпала их милостями. Балакиреву был пожалован чин прапорщика Преображенского полка, и он был определен ко Двору императрицы. Исполнял ли он в это время шутовские обязанности — неизвестно. Видно только, что он весьма потрафлял Екатерине и ладил с придворными, иначе бы не удержался бы ни при ней, ни при сменившем ее на троне императоре Петре II.

Иван Алексеевич оказался вновь востребованным при императрице Анне Иоанновне, которая сделала его штатным, официальным своим потешником. «Балакирев... отличался острою и имел забавную наружность, что при первом взгляде на него возбуждало смех», — говорит его современник Иоганн Эрнст Миних.

Характер шутовства при новой монархии изменился, однако, самым разительным образом. С большой выразительностью это показал Валентин Пикуль в своем историческом романе-хронике «Слово и дело». Писатель изобразил шута, который посмел высмеивать злоупотребления и лихоимство, на что императрица в сердцах бросила: «Мы тебя для веселья звали! Не пойму я шуток твоих: то ли весел ты, то ли злишься? Государи за весельем к шутам прибегают, а ума чужого им не надобно... Своего у нас полно!». И действительно, если при Петре шуты резали правду-матку, называя вора вором, клеймя невежество и пороки, то при Анне они сделались бесправными забавниками, призванными тешить Двор своими дикими выходками. В ход шли отчаянные потасовки: шуты царапались, дрались до крови, таскали друг друга за волосы; их заставляли делать идиотские рожи, кукарекать, садиться нагиими на лукошко с яйцами, кувыряться, ползать по полу. Другим развлечением было поставить шутов в ряд и приказать им бить друг друга палками по ногам до тех пор, пока все не падали. В большой чести были шуты заморские: Ян Лакоста и Пьетро-Мирра Педрилло, которых Балакирев презрительно называл «картофельщиками».

В новых условиях Иван Алексеевич вынужден был мимикрировать, что давалось ему нелегко. О его моральном состоянии очень точно говорит писатель Иван Лажечников в романе «Ледяной дом»: «Старик [? — **Л.Б.**] Балакирев — кто не знал его при великом образователе России? — дошучивает ныне сквозь слезы свою жизнь между счастливыми соперниками. Он играет теперь второстепенную роль; он часто грустен, жалуется, что у иностранцев в загоне, остроумен только тогда, когда случается побранить их. И как не жаловаться ему? Старых заслуг его не помнят. Иностранцы шуты, Лакоста и Педрилло, отличены какими-то значками в петлице, под именем ордена Бенедетто, собственно для них учрежденного. А он, любимый шут Петра Великого, не имеет этого значка и донашивает свой кафтан, полученный в двадцатых годах».

Справедливости ради надо сказать, что Лажечников здесь ошибается: кафтан на Иване был новый, с иголочки. Ведь к Балакиреву императрица явно благоволила. Она часто жаловала его щедрыми денежными субсидиями, «питьем и припасами». Известно также, что когда в 1732 году он женился на дочери посадского Морозова и не получил обещанных ему в приданое 2000 рублей, Анна приказала немедленно «доправить» эти деньги с Морозова и отдать их Балакиреву. В другой раз она организовала в пользу Балакирева специальную

лотерею. Монархиня подарила ему и дом в Петербурге, в приходе Воскресения Христова, за Литейным двором.

Иван старался вести себя осторожно, но его вольнолюбивая натура нет-нет да и давала о себе знать. Как-то раз он позволил себе подшутить над всемогущим временщиком Бироном, за что был прилюдно бит палками. В другой раз он нелестно высказался о самой монархине. На Балакирева был сделан донос о произнесении слов, оскорбляющих ее величество, и его препроводили в Тайную канцелярию, где допросили с пристрастием. Анна, однако, смилостивилась и вернула шута во дворец, сделав внушение: не говорить лишнего. Он не раз уклонялся от шутовских потасовок и бывал за это примерно наказан.

Привыкший острить и балагурить вдохновенно, по страсти, Балакирев не мог смириться с необходимостью шутить натушно, из-под палки. По-видимому, из-за полной безысходности своего положения при Дворе он пристрастился к зеленому змию. Сохранился имен-ной указ императрицы (она терпеть не могла пьяных!) от 23 мая 1735 года, где, в частности, говорится: «Ежели те, приезжающие к нему, Балакиреву, в дом или он к кому приедет и будет пить, а чрез кого донесено будет, и за то о штрафовании оных людей». К слову, сама же Анна ранее невольно потворствовала сему пороку: она распорядилась отпускать Ивану «каждый день вина по бутылке, один день красного, а на другой день рейнвейну по бутылке, пива три бутылки».

Известно, что во время знаменитой свадьбы в Ледяном доме Балакирев облачился в костюм Нептуна, сопровождаемого свитой камчадалов, которые кидали в толпу мерзлую рыбу. В том маскарадном шествии он исполнял также и роль тысяцкого.

Однако уже весной 1740 года, устав от обязанностей забавника по принуждению, Иван Алексеевич отпросился на время у императрицы в свои костромские деревни. Там-то и застало его известие о смерти Анны Иоанновны. А совсем скоро новая правительница Анна Леопольдовна упразднила штат придворных дураков и отпустила их всех восвояси, наградив дорогими подарками. Так что ко Двору Балакирев уже больше не вернулся.

В русском народном творчестве мы не находим упоминаний о службе Балакиря при дворе Анны Иоанновны. Потому, наверное, что этой императрице вообще не суждено было стать фольклорным персонажем. Но память об этом сохранилась при царском Дворе. Воспитатель цесаревича Павла Петровича Семён Порошин записал 5 декабря 1764 года: «Проезжая по Литейной бывший двор г. Балакирева, рассказывал его превосходительство Никита Иванович [Панин. — **Л.Б.**] об оном шуте, также и о графе Апраксине, кои оба во время императрицы Анны Иоанновны были. Его превосходительство о Балакиреве сказывал с похвалою, что шутки его никогда никого не язвили, но еще многих часто и рекомендовали».

Не случайно, будучи уже императором, Павел распорядился выделить потомкам Балакирева несколько сот десятин земли. Ивана Алексеевича вдохновляли воспоминания о том, как когда-то он радовал своими остроумными выходками первого российского императора. Даже знаменитая дубинка Петра, которая в недобрый час нещадно колотила шута по бокам, вызывала у него благодарность и умиление. По преданию, Балакирев завещал, «чтоб по смерти его, тело его обернули рогожей и положили на чистом воздухе, в поле, да просил положить возле себя и Алексеичеву дубинку (которая в то время стояла праздною и уже никому не была нужна), чтоб ни зверь, ни птица не могли тронуть его тела». Кажется, шут Балакирев наяву грезил о том, чтобы имя его неизменно ассоциировалось с именем великого преобразователя России. И мечты эти сбылись.

Евгений Степанов. Жизнь и творчество
Нины Красновой (книга-интервью)
М.: «Вест-Консалтинг», 2025

РЕЦЕНЗИИ

Книга-интервью Евгения Степанова из серии «Биография» рассказывает нам о жизни и творческом пути прекрасной русской поэтессы Нины Красновой, чья судьба неразрывно связана с нашими выдающимися современниками. Ее воспоминания о таких мастерах поэзии, как Евгений Долматовский, Татьяна Бек, Андрей Вознесенский — это история советской литературы, которую невозможно «подстричь» строгими рамками цензуры. Еще более свободными от оков «официального» литературного языка выглядят представленные в книге озорные частушки, о которых Евгений Степанов в предисловии с полной уверенностью говорит: «Ненормативная лексика в припевках Красновой всегда оправданна».

Удивительно, откуда берется этот литературный жанр, как он «прорастает» в пишущем человеке? Лириков и бунтарей в литературном сообществе пруд пруди, а ты попробуй сочини маленький, «ядренный» куплет, от которого стыдливо краснеют щеки... Частушки Нины Красновой — чистая импровизация, твердо стоящая на фундаменте народного творчества. Их хочется громко исполнять и пересылать близким, чтобы те тоже посмеялись, а уж запоминаются они с первого раза, так, что потом хочешь не хочешь, а не забудешь... Это особый стиль, слово, на которое, согласно русской поговорке, «не накинешь платок». Сама поэтесса так объясняет свое пристрастие к данному жанру: «За это спасибо моей матушке — у нее был очень богатый простонародный рязанский, с солотчинским колоритом язык, в который входили и пословицы, и поговорки, и прибаутки, и присловья, и заклички, и загадки, и потешки, и корилки, и баюкалки, и частушки... в том числе ее собственные частушки. И все это она передала мне». Связь поколений — та сила, которая не дает русской частушке уйти в историю. Для того, чтобы работать с этим удивительным феноменом русской культуры, автору нужно его полюбить всей душой, не допускать пародий и стилизаций «на тему», иначе выйдет пошлость вместо озорства. Впрочем, веселая, игривая частушка — это только одна, уникальная грань таланта Нины Красновой. В книге также представлены лирические стихотворения поэтессы, обманчиво «простые», как народная песня:

Как же я уеду от тебя,
Как же я уеду от тебя,
Море мое, моречко,
Горе мое, горечко?

Интервью как жанр определяет ритм диалогической подачи информации. В этой книге Нина Краснова, отмечающая в 2025 году юбилей,

отвечает на вопросы Евгения Степанова. Факты из жизни замечательной поэтессы расцвечены интересными историями, которые она рассказывает о своих учителях и коллегах. События эти происходят в разное время, и автору потребовалось немало усилий, чтобы воспоминания героини представляли собой стройно изложенную ею самой линию жизни. Но благодаря кропотливой работе автора они связаны в одно сложное событие, которое обозначается как самостоятельное произведение со всем его событийным разнообразием.

Цель разговора у каждого из участников своя. Автору важно «раскрыть» нашу героиню, поэтому мягкое ведение диалога, открытые вопросы ощущаются нами как своего рода дорожные знаки, задающие беседе направление и дружелюбный тон. Собеседница излагает ему свою позицию, рассчитанную на массового адресата, подробно рассказывает о себе и о людях, которые ее окружали и окружают на протяжении жизни. И начинает с предков, с истоков рода, что не может не радовать. Она также горячо благодарит всех, кто оказал на нее влияние, тепло отзывается о тех, кто ее окружал, и читая эти слова, мы ощущаем прилив ностальгии: «Атмосфера в общежитии Литературного института в то время была творческая. Студенты жили по двое в комнате. Причем студенты были не только русские, но и нерусские, разных национальностей, "дети разных народов", из разных республик Советского Союза — белорусы, украинцы, таджики, дагестанцы, латыши, львовские поляки, также и болгары из Болгарии, чехи и словаки из Чехословакии, африканцы из Эфиопии и Йемена... Все ходили в гости друг к другу, к своим соседям по этажу. Показывали и читали друг другу свои новые сочинения. Пили чай. А кто-то и что-то покрепче. Разговаривали по душам. Готовили на общей кухне еду. Дагестанцы, например, варили в казанах плов, угощали сокашников пловом... Никаких драк и конфликтов между студентами не было».

При этом письменная форма интервью вторична по отношению к смыслу сказанного. Таковую беседу вполне можно представить себе и в аудиоформате, и в виде документального фильма. Но не только ограниченность эфирного времени побудила журналиста опубликовать биографию Нины Красновой отдельным изданием. Книга — особый носитель информации: мало того, что каждый экземпляр может послужить сувениром, вещью, напоминающей как о замечательной героине, так и об авторе, книга еще и устанавливает невидимые связи между ними и читателями. Да и сами читатели образуют между собой поддерживающее сообщество, правда, эффект взаимного узнавания часто отложенный, но эти связи намного прочнее, нежели коммуникация посредством СМИ.

Развернутое интервью Евгения Степанова, ставшее в итоге книжечкой в мягкой обложке, — наиболее целостный психологический портрет Нины Красновой, который дает исчерпывающее определение ее жизненных ценностей. Это очень чистый и открытый человек, для которого в литературном мире нет конкурентов, а есть товарищи по перу: «И почти со всеми я дружила. И всем посвящала свои стихи, а кто-то и мне. И у многих я брала интервью. И почти со всеми переписывалась, когда жила в Рязани, а потом в Москве дарила им свои книги, а они мне — свои, которые я читала с карандашом в руках и о которых писала каждому свои отзывы с подробными лексико-стилистическими анализами. И у всех я училась "чему-нибудь и как-нибудь", училась тому, как надо и не надо писать...». Она и в обычной жизни такая — веселая, хлебосольная, душа компании, которая любит людей и в каждом старается найти что-то хорошее, и для каждого у нее найдется доброе слово. Отвечая на вопрос о том, чему научилась у многих известных поэтов и писателей, с которыми общалась, поэтесса продолжает: «...и как надо и как не надо жить, и как вести себя в очень непростом литературном мире и не уронить,

и не потерять себя и сохранить свою душу... и (это я цитирую тебя, Женя Степанов!) *делать только то, "что не делать нельзя"*».

Несмотря на то, что жанр интервью предполагает, что журналист лишь посредник между своим собеседником и широкой аудиторией, его вопросы, с одной стороны, должны быть достаточно продуманны, чтобы послужить стимулом к содержательному высказыванию, а с другой стороны, они обязаны содержать вводную информацию, чтобы читатель самостоятельно составил мнение об интервьюируемом. Отвечая на вопросы Евгения Степанова, Нина Краснова предстает перед нами такой, какая она есть на самом деле, не стесняясь своего прошлого, и свободно говорит о минувшем:

Я в детстве и нужду, и все терпела.
Мне не хватало солнышка в окне,
Таких условий жизни, как в «кине»,
Но я не унывала — песни пела.

Книга дополнена цветными фотографиями разных лет, что придает ей дополнительную документальную ценность и особое очарование. В обработанном автором биографическом материале интервью-портрета делается упор на выявлении особенностей характера собеседницы, на те качества, которые помогают ей жить и творить, оставаясь тонким лириком с широкой душой. Как пишет в предисловии Евгений Степанов: «...Нине Красновой выпал удивительный дар. Выражая себя, она выражает этнос. Это бывает крайне редко».

Вера КИУЛИНА

**Т. В. Лаврова, «Черноморские проливы в глобальной политике
от биполярной к постбиполярной эпохе»
М.: «Вест-Консалтинг», 2025**

Монография Т. В. Лавровой «Черноморские проливы в глобальной политике от биполярной к постбиполярной эпохе» посвящена важной и актуальной теме — обеспечению ключевых интересов России на Чёрном море и поддержанию режима судоходства в Проливах, который бы отвечал интересам и задачам нашей страны, исходя из ее геополитического положения.

На протяжении столетий Проливы и Константинополь не раз становились причиной русско-турецких войн, конфронтации с Великобританией и другими великими державами, каждая из которых имела и имеет свои интересы в Черноморском регионе. За свою историю русское государство несколько раз имело потенциальную возможность, ведя кровопролитные войны, выйти к берегам Босфора с тем, чтобы установить контроль над Проливами. Но так сложилось, что Проливы — стратегический узел Евразии — находятся во владении Турции с момента взятия османами Константинополя в 1453 г. и падения Византийской империи. Порта на протяжении столетий осуществляла контроль за судоходством в Проливах, которые представляют для всех черноморских держав единственный выход в Средиземное море и далее — в Мировой океан. Потому их значение так велико, а каждая публикация по этой тематике, а тем более монография представляет большой интерес.

Почти 90 лет назад, 22 июня 1936 г., в швейцарском городе Монтрё открылась конференция по выработке нового статуса Босфора и Дарданелл. Конвенция Монтрё была подписана 20 июля 1936 года, вступила в силу 9 ноября того же года. Основная задача конвенции — пересмотр результатов Лозаннской конференции 1922–23 годов, участие в которой Советская Россия принимала в условиях дискриминации со стороны западных держав, и на которой был утвержден принцип неограниченного прохода военных и торговых кораблей всех стран в Чёрное море и обратно как в мирное, так и в военное время. В результате умелой дипломатической работы советской делегации удалось выработать такой документ, который прошел проверку временем, доказал свою жизнеспособность «благодаря тщательно разработанному компромиссу стратегических интересов государств, соотношению экономических и военных, в особенности ядерных потенциалов на мировой арене, учету интересов безопасности черноморских стран, в общем реалистичной политике турецкого правительства и твердой и последовательной линии Российской Федерации, направленной на ее неукоснительное соблюдение» и сохраняет большое значение и в наши дни, особенно в связи с проведением специальной военной операции на Украине.

Цель монографии — всесторонний анализ выбранного предмета исследования, его глубокое изучение с привлечением большого количества источников и литературы. Он позволяет, в частности, проследить историю Проливов как важнейшего стратегического объекта (как военного, так и гражданского значения): «Рассмотрение в исторической ретроспективе проблематики Черноморского региона, столкновения интересов ведущих мировых держав, отстаивание после принятия конвенции Монтрё позиций СССР и России в новых геополитических условиях, роль и место Турции, ставшей в XXI веке самой мощной региональной державой, важны не только с точки зрения анализа происходящих процессов, но, прежде всего, для принятия конкретных мер и шагов, направленных на недопущение дальнейшего осложнения ситуации в бассейне Чёрного моря. Тем

более, что это направление внешней политики России остается среди наиболее приоритетных».

Особенность подачи читателю научной информации состоит в том, что жанр монографии предполагает формулу: весь предмет в объекте. Все, что известно о предмете исследования, тщательно структурировано и находится под одной обложкой. Никакая информация в данном случае не может быть лишней, любое дополнение способствует максимально полному раскрытию темы и отражает все то, что важно, интересно автору и относится к объекту исследования.

Несомненным достоинством книги является обращение к первоисточникам — документам, которые не только обосновывают выводы автора, но и позволяют читателю погрузиться в атмосферу политической борьбы, ознакомиться с дипломатической перепиской и, в конечном счете, составить свое собственное мнение, сделать свои выводы, подкрепляющие либо опровергающие мнения автора.

Но ведь читателя нужно еще и заинтересовать. А в связи со сложной внешнеполитической обстановкой, а также в связи с тем, что роль Проливов для нашей страны после операции России в Сирии и в условиях проведения специальной военной операции существенно возросла, с уверенностью можно сказать, что Т. В. Лаврова объектом своего исследования выбрала актуальную, если можно так выразиться, «горячую» тему. Как разворачивалась политическая и военная борьба за Черноморские проливы в разные периоды истории? Что происходит сегодня? Каков прогноз на будущее? Ответы на эти вопросы подробно изложены в книге. При этом основная мысль повторяется неоднократно, что усиливает ее значимость для читателя: «Российская Федерация остается самым последовательным сторонником соблюдения положений Конвенции Монтрё, поскольку она дает преимущества прибрежным странам и предотвращает скопление сил НАТО в акватории Чёрного моря. Как следствие, она позволяет России содержать свой Черноморский флот в относительной безопасности».

Образ адресата монографии также представляет интерес. Глубоко погрузиться в такую книгу под силу читателю, обладающему определенным багажом знаний: если и не профессионалу-историку, то человеку «подкованному», интересующимся вопросом и наделенному аналитическим складом ума. Автор монографии ориентирует свой труд на подготовленного читателя, проявляющего интерес к истории своей страны, ее внешней политики и международным отношениям, способного следить за ходом мысли и воспринимать научный текст. Интересно, что Т. В. Лаврова при рассмотрении проблематики Черноморского региона и Проливов с точки зрения, несомненно, исследователя и ученого, использует и свой профессиональный опыт непосредственного участия в работе Парламентской ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества в качестве Ответственного секретаря делегации Совета Федерации в 1990-е гг. — в один из наиболее сложных периодов в истории современной России.

Структурная целостность монографии позволяет грамотному читателю спокойно ориентироваться в представленных материалах. Т. В. Лаврова последовательно рассматривает вопрос о статусе Черноморских проливов, начиная со времен Второй мировой войны и заканчивая новейшей историей — специальной военной операцией на Украине.

Какова расстановка сил в настоящее время? Турция хозяйничает в Проливах. России это, мягко говоря, не нравится. Однако оба государства заинтересованы в обеспечении стабильности в регионе: «Несмотря на существующие острые вопросы в отношениях между двумя странами, и в России, и в Турции есть понимание необходимости поиска компромиссных решений, ведения диалога даже по самым сложным вопросам, к числу

которых можно смело отнести и вопросы, связанные с соблюдением режима судоходства в Черноморских проливах, регулирующегося статьями и положениями Конвенции Монтрё». Поскольку в ближайшее время борьба за влияние в регионе и Проливах, прежде всего между черноморскими державами — Россией и Турцией, будет только нарастать, России необходимо проводить грамотную внешнюю политику: «В современных условиях, тем более после начала специальной военной операции России на Украине в 2022 г., значение Причерноморья, самой акватории Чёрного моря и Черноморских проливов возросло кратно. Оно превратилось в арену не только политического и экономического соперничества, но и военного. Геополитические реалии изменились, интересы и цели остались прежними».

Одну из главных внешнеполитических проблем России на протяжении нескольких веков отличает одно любопытное обстоятельство: позиции всех заинтересованных сторон, в том числе и западных держав, предельно прозрачны: «Все проблемы, связанные с непрекращающимися попытками стран Запада расширить свое влияние в регионе, будь то в экономической, политической или военной сферах, принизить роль России, в конечном счете неразрывно связаны с вопросами судоходства в Чёрном море и режимом прохода судов через Проливы для выхода в воды Мирового океана. Это — важнейшая тема для России. Таковой она была на протяжении истории, таковой она является и сейчас». И кто знает, какие сюрпризы готовит нам будущее?..

Вера КИУЛИНА

Поэзия и проза... Едины ли они изначально или противостоят друг другу по сути? Алексей Юрьев еще в аннотации к своей новой книге сообщает, что данные жанры как минимум не враждуют, а если вчитаться, то и вовсе неотделимы друг от друга. Поэзия отличается единством ритма, а проза в первую очередь полифонична, но, если взять, скажем, старинную поэзию, там ритм — не просто отличительный признак жанра, а всему голова: смысл подчиняется жесткой схеме написания, почти как в классической прозе, где важно соблюсти линейность сюжета.

Эта книга содержит поэтическую и прозаическую части, которые оттеняют и дополняют друг друга. Венок сонетов в начале книги спокойно соседствует с философскими размышлениями, что неудивительно: по своей структуре эта поэтическая форма — кольцо, которое нельзя разомкнуть, не нарушая смыслового единства текста. Нельзя и поменять сонеты местами, нельзя отредактировать мадригал без того, чтобы вновь не провести колоссальную работу по связыванию стихотворений в единое целое. Нельзя... да много чего нельзя, на то она и твердая форма стихосложения: будь добр уложись в заданные рамки. И у этой формы есть немало особенностей, роднящих поэзию с философскими текстами.

Что же касается прозы автора, то она афористична, красива и своей образностью тяготеет... к поэзии. Например, такое размышление: «Банальное есть тень непознанного, а иногда и его витрина». Как бы нам ни хотелось считать себя царями природы, но человек — очень простое существо: как мы проявляем себя в чем-то одном, так будем вести себя и в остальном, даже не задумываясь об этом. Отсюда и проистекает наблюдение о многообразии таланта — талантливый человек талантлив во всем! — и утверждение о безысходности банальности: «от розинки не родятся апельсинки». Но что, если банальность — всего лишь отражение вселенского Закона, который, в отличие от законов, написанных людьми, нельзя проигнорировать? Это банально? Безусловно. Осознается ли это большинством людей? В основном, смутно. Но каждый стремится заявить о своей уникальности! При этом каждому знакомы и сезонные простуды, и неурядицы на работе, наконец, обычное невезенье... Словно посмеиваясь над нами, Алексей Юрьев пишет на эту тему изящный венок сонетов, с подзаголовком к мадригалу — «Сонет плохого дня»:

И наш единственный ответ:
Тягучих серых дней томленье
И речь чужую, и погод тоску,
И моря обреченное волненье
Принять за надоевшую игру
И раздавить шипящее сомненье.

Да смиришься ты наконец, дорогой читатель... Все мы ходим под одним небом, и ничто не ново, ни под луной, ни под грозовыми тучами. Но если словосочетание «венки сонетов» нам более-менее известно (спасибо Шекспиру!), то такая сложная форма, как «венки рондо» у многих может вызвать вопрос: это как? Очень интересно, если читать внимательно. Сама по себе форма рондо динамична, и в то же время, за счет повторения рефрена, кажется, будто катишь колесо смыслов и все время возвращаешься в исходную точку (ведь слово «рондо» — в переводе с французского означает «круг»). Попробуй закольцуй

такое, расширив до венка, где повторений столько, что нетерпеливый читатель собьется со счета! Но вот — на дворе XXI век, а эта стихотворная форма в исполнении Алексея Юрьева оказывается устойчивой и звучит как бы вне времени:

Вручает нам свои дары
То божество, что хрупко так
И чьи дороги к нам трудны,
И тихо говорят Его уста
Слова, что не дано забыть.

Если не знать фамилию автора, можно подумать, что перед нами сочинения средневекового монаха: ни одного современного слова, ни намека на принадлежность к определенному временному промежутку. И это естественно: состояние, описываемое автором, заставляет человека забыть о времени и пространстве:

И невесомое, как свет,
Что, облака пробив, пришел,
Чтоб озарить и высь, и дол.
И лишь на час, среди долгих лет,
Являет нам величие свое —
Так хрупко это божество.

Как часто мы в своей жизни «возвращаемся к истокам» — вспоминаем прошлое, думаем над тем, как сложилась бы жизнь, не будь в жизни того или иного события. Самое интересное, что мы не можем этого знать наверняка. Но мастера пофантазировать на тему: «Если бы тогда я поступил по-другому, сейчас бы все было хорошо...». Не факт! Второй венок рондо уже куда более «земной», настроенный на нынешнего читателя-интеллектуала: библейское слово «херувим» соседствует с простой российской «дачей», а метафора пустого ореха нам говорит о то, что прошлое прошло, но это к лучшему:

Но должно, вопреки всему,
По-прежнему за жизнь держаться
Вам твердой, крепкой хваткой,
Не унывать, хотя бы потому,
Что тот орех — пустой, и не иначе,
Пустой орех упал под стол на даче.

Орех — священное дерево, символ справедливости, изобилия и плодородия во многих культурах. Казалось бы, такой пустячок — полая скорлупка, однако, зная ее символику, еще больше хочется следовать завету автора полюбить жизнь. Иначе, осознавая пустоту бесцельно прожитых дней, однажды рискуешь оказаться на месте ореха... Вот сколько смыслов в маленьком кусочке рифмованного текста.

Настоящая поэзия — это малая форма, именно из мелочей ткется поэтическое кружево. Эту мысль автор транслирует нам в своем рассуждении о поэзии: «Любое событие, явление, встреча, слово — мелкое и великое — могут стать источником для поэтического творчества; все дело лишь в ощущении их как впервые увиденных или услышанных, необычных, ярких, волнующих духовную сущность человека. Естественность

и неизбежность появления любого произведения искусства основана только на силе первоначального чувства у художника и на уровне мастерства, достаточном для выражения этого впечатления». Выполняя свое назначение, поэзия стучится напрямую в сердце, тогда как восприятие прозы предполагает напряженную работу сознания. В этом плане оппозиция «проза — поэзия» соизмерима с парой «душа — ум». Книга Алексея Юрьева хороша тем, что оба начала в ней проявлены — в равной степени можно насладиться чтением, погружаясь то в стройные системы твердых стихотворных форм, то в размышления над прозой, мысленно соглашаясь или дискутируя с автором.

Ольга ЕФИМОВА

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 22.04.2025
Подписано в печать 12.05.2025